

АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВСКИЙ

КАПКАН

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Алексей Дмитриевич Козловский

Капкан

Серия «Сибирский
приключенческий роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69163294

А. Д. Козловский. Капкан: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2022

ISBN 978-5-4484-3870-7

Аннотация

Криминальные 90-е. Начинающий поэт Андрей Ветлицкий втягивается в борьбу элит за кресло губернатора. Тотчас он оказывается в эпицентре трагических событий, среди которых пожар в его квартире и разборки с бандитами – лишь цветочки. Потеряв друзей и близких, поэт уходит в тайгу в поисках золота, зарытого главарём местной банды Иваном Збруевым после Гражданской войны. И вновь нанятые молодчики и охотники за чужим добром следуют за ним по пятам.

Содержание

Часть 1. В обмен на жизнь	5
Часть 2. Формула одиночества	92
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Алексей Козловский

Капкан

© Козловский А. Д., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

* * *

Часть 1. В обмен на жизнь

1

– Добрый день! Можно?

– Заходи! – Женщина за столом отложила в сторону сигарету, причём даже не в пепельницу, а куда-то мимо, не глядя. Она и на вошедшего не взглянула, продолжая строчить пером по бумаге, а посетитель, молодой человек в потёртом демисезонном пальто, как открыл дверь, так и остался стоять у порога, только шапку снял и встряхнул, стараясь не очень-то размахивать, но, по-видимому, одна из снежинок всё-таки залетела на стол. Женщина подняла голову и вопросительно посмотрела на посетителя поверх круглых, в металлической оправе очков.

– Заходи! – повторила она хриплым голосом и сверкнула золотой фиксой. Эта фикса почему-то успокоила незваного гостя, и он отрекомендовался, тоже хриплым срывающимся баском:

– Я Ветлицкий.

– А я Сунцова, и что с того? – Пищущая была снова готова заняться своим делом, хотя женщину вдруг осенило. – Автор?

– Да, я стихи свои отправлял сюда. Их печатали.

– А-аг-а, – делано удивилась Сунцова, изображая, что силится припомнить нечто, но потом решительно тряхнула «комсомольской» стрижкой. – Нет, не помню. Стихов этих, старче, знаешь сколько подгоняют в газету, и случается, что наш брат, корреспондент, не всегда успевает с материалом, вот и заполняем пробелы школьными виршами. Кстати, ты гонорар получил? Нет? Значит, с адресом напортачил или вообще псевдонимом подписался? Ветлицкий – это фамилия или так?

– Ветлицкие, – осмелел собеседник, слегка обиравшись на такое нелестное предположение, – польский старинный род. Женщина покрутила головой:

– Тоже скажешь мне, польский. Фамилия, скорей всего, поповская или еврейская. Ты, случаем, не Моисеевич?

– Андреевич!

– Не сердчай, – видя, что парень щурится, успокоила его «комсомолка». – Раз пришёл в газету, значит, немного чокнутый? Здесь все не того, – и покрутила ручкою у виска. Покрутила и зашарила сигарету, а найдя, затянулась со смаком, слегка прищурившись.

К удивлению стоящего у двери, кутившая отчего-то стала стремительно терять свой таинственный ореол, бросилось в глаза её скромное платье, худые плечи, почти детская грудь. «На вид под сорок, а чёлка скрадывает», – подумал о журналистке Ветлицкий, хотя и его возраст не соответствовал

первым впечатлениям. «Молодому человеку» недавно стукнуло двадцать девять, и начинал он свой литературный путь с прозы ещё, когда учился в пединституте, в краевом центре. Там ему несказанно повезло с первым же опусом, повестью, когда отнёс в один из имеющих неплохую репутацию альманахов – первую часть. Её без слов напечатали, а в развязке второй части редактор усмотрел крамолу.

– Героиня твоя на свободу выходит с ба-аль-шими планами, но кончает самоубийством! Поработать над финалом придётся.

Андрей отказался и был немедленно выброшен из набора. Помнится – сильно переживал, хотя преддипломная практика и защита отодвинули на второй план его литературные страдания. Потом несостоявшийся прозаик закончил пединститут и устроился школьным учителем в пригороде областного центра – месте тихом и живописном. Правда, область вскоре переименовали в республику, и вообще – уже шла перестройка, которая и подвигла несомненное дарование к написанию виршей. Их-то он и сподобился как-то отправить письмом в редакцию республиканской газеты.

Конечно, из пригорода в редакцию можно было наведаться самому, но Ветлицкий не мог сразу перешагнуть черту, которая незримо существовала между ним и подобного рода учреждением после того, давнего случая в Красногорске.

– Ты вот что, старик, – вывел Андрея из области воспоминаний голос покуливающей журналистки, – если ещё чего

намарал, так это за две двери от моего кабинета. Обратись к Лине Фёдоровне, а ещё лучше к Герману Старцеву, отвечающему за всю культуру, только вряд ли его застанешь, так что жми в секретариат!

Выйдя от «комсомолки», Андрей поплотнее прикрыл дверь и сразу понял, что совершил ошибку: в коридоре не горело ни единой лампочки и указанный кабинет он искал едва ли не на ощупь. Нашёл и снова почувствовал себя неловко.

Ответсекретарь тоже шуршала бумагами, но стихи взяла без претензий. Ветлицкий откланялся и по сумрачному коридору направился к выходу. На улице снег валил белыми хлопьями, а вокруг было тихо-тихо. Движение на оживлённом перекрёстке почти прекратилось, хотя казалось, что светофор горел на обе стороны зелёным светом. Редкие пешеходы стали очень маленькими и передвигались по улице боком. «Теперь я буду работать для вечности, – слегка иронизируя, подумал молодой литератор. – Всё-таки хорошо, что стихи приняли». И он тоже нырнул в снега.

2

– Сунцова, кто это у тебя был? – Вертлявая экзальтированная девица вопросительно уставилась на фиксатую даму.

– Уже усекла?

– Проплыл мимо меня коридором и потом ловил на крыльце снежинки. Такой смешной мальчик.

– Мальчик? Они, понимаете ли, по-эт!

– Вот везёт же тебе, Сунцова, начальство в кулаке держишь, и поэты к тебе прут.

– Начинается беспредметный трёп. Уходи, мне работать надо.

– Ты сухарь, Сунцова. Такой только кожанки с портупеей не хватает.

– Всё, гуд-бай!

– До свиданьица. – А уже через неделю Светлана Куксова улыбалась демисезонному мальчику своей лукавой и как бы обезоруживающей улыбкой: – Ваши стихи, Андрюша, такие искренние особенно про снега и девчонку, помните?

Андрей сознавал, что его писанина не настоль хороша, как бы хотелось, но внимание хрупкой женщины покоряло, и Ветлицкий охотно процитировал часть той строфы из подборки, которой Светлана «затыкала дыру» на полотне газетной страницы:

«Ты живёшь, календарик листаешь, дней, тебе лишь понятных одной, осторожно углы загибаешь...»

– Вот именно, как это здорово – загибать уголки пролетающих дней, когда снега за окном, – щебетала Куксова, мечтательно помешивая чай в не совсем чистой чашечке. – Я заметила, Андрюша, ты имеешь отличное зрение, верно?

– Почти. – Ветлицкому нравилась журналистка, чем-то напоминающая жену Людмилу, ту самую, с которой он ухитрился прожить три года и только недавно развёлся, верней

они просто расстались на время, но жену-то Андрей любил, хотя и Светлана вдруг стала нужной, прямо как записная книжка или носовой платок. Быстрота, с которой они сдружились, была поразительной: даже первый поцелуй и всё, что случилось после, произошло почти сиюминутно, здесь же, в редакции, во время обеденного перерыва, когда большинство сотрудников заспешило прочь из крохотных, пропахших кофе и табаком кабинетов. Куксова просто сказала:

– Перекусим на месте, а чтоб не мешали... – повернула защёлку дверного замка изнутри и сама потянулась к пуговицам его рубашки.

Потом, когда Андрей бестолково приводил в порядок одежду, Светлана только слегка одёрнула свой пушистый свитер, оставаясь полулежать в неудобном кресле.

– Ух, как я испугалась, – не то серьёзно, не то в шутку проворковала она. – С вами, поэтами, нужно ухо держать востро. Ты всегда так напористо действуешь?

Озадаченный такой ложью Ветлицкий не знал, что и сказать, столь неожиданно было их грехопадение, а Куксова продолжала:

– Я прямо вся замерла, и вахтёрша по коридору ходила... Раздосадованный любовник никаких шагов вахтёрши не слышал, но уже представил востроглазую старушеницу и поёжился, однако Светлана, по-быстрому причепурившись, осторожно выглянула за дверь, подманивая поэта пальчиком:

– Беги, пока в коридоре никого нет, а то скоро обед заканчивается. Да смотри не забегайся, а то знаем мы вас, стихоплётов, – и ещё что-то добавила вслед, но Андрей развил такую скорость, что не слышал последних куксовских наставлений. У выхода он неожиданно встретился с Германом, тот шёл от своего пикапчика и, увидев нашкодившего поэта, бесцеремонно протянул руку:

– А-а, Светкин хахаль, будем знакомы, я Старцев, «потомок недобитого колчаковского начштаба», как выразился один мой рассерженный оппонент. Следишь за газетной дискуссией о нашем прошлом?

Ветлицкий пожал руку культурника и сознался:

– Не всегда.

– Ну зря. Некоторые думают, что сейчас не гражданская война и можно запросто отсидеться, а мы, старик, идём от зачатия мира. Впрочем, я тороплюсь, ты забегай, когда время будет, а стихи Лине Фёдоровне не отдавай, они через мой отдел идут, да и на Куксову очень-то не распыляйся.

– Хорошо, понято! – безвольно согласился Андрей, глядя в спину удаляющемуся Старцеву и поражаясь тому, как быстро его здесь раскусили. «Словно в большой деревне», – уныло соображал «стихоплёт», решив, что неплохо бы заглянуть в Союз писателей.

В Союзе все куда-то спешили. В воздухе витали слова: «Выборы, штаб, программы...»

– Ты кого думаешь поддержать? – спросил Ветлицкого шустрый старичок, известный своей приверженностью к демократии, хотя, судя по его одежде, ничего хорошего ни от старых, ни от новых властей Василий Степанович не имел.

– Ещё не решил, – постарался уйти от прямого ответа Андрей. Из всех кандидатов на пост местного главы правительства ему нравился отставной полковник Орлов, и Василий Степанович, кажется, понял это.

– Зря на Орла ставку делаешь, мы за Пулькина. Он стройтрест с двумястами рабочими под своё начало принял, а довёл до полутора тысяч. Кормит всех, да и нам кое в чём не отказывает.

Андрей удивлённо посмотрел на агента по пропаганде каких-то знаний, прилепившегося к писательской организации. Ветлицкий знал, что Василий Степанович – человек безобидный и поэтому его милостиво терпели.

– Ах, Андрюша, оставьте политику. – Завидев новое лицо, секретарша Союза Фаечка потянула Ветлицкого в сторону. – Я читала ваши стихи в субботнем номере «Енисея». Впечатление неизгладимое: всё снега, снега... Где вы их столько берёте – снегов и женщин?

– Фаечка, я побегу, а вы, молодой व्यюноша, подумайте насчёт нашего разговора о Пулькине, – заматывая шарф на шее, просипел старикашка. – Он ещё даст о себе знать, вот тогда воспрянем!

– Нашёл за кого страдать, – фыркнула секретарша, – *вы* должны работать для вечности.

– Для вечности... – эхом откликнулся Ветлицкий, поражаясь, что его собственные недавние мысли удивительно перекликались с мыслями этой девочки.

– Пойдёмте покурим, чтобы не на глазах, – предложила Фаинка, и Андрей покорно пошёл за ней. В дальней комнатухе Союза, возле окна стояло два кресла и смазливая секретарша, раскуривая сигарету, попросила Ветлицкого открыть форточку, дескать, Мирра ругается, когда курят.

– Мирра, – удивился Андрей, – а чего ей ругаться, ты не маленькая.

– Да она и сама подымить не прочь, только вчера начальство было, так один мужик, ты его не знаешь – клерк, а гонору, – говорит нашей Мирре: «Накурено», мол, в культурном учреждении – и такой беспорядок. Той и крыть нечем. Даже обидно стало, здесь каждый писатель гения из себя корчит, а Мирра – одна.

Тут на пороге комнаты появилась женщина лет тридцати двух, хозяйка Союза писателей – Мирра Нестеровна. Секретарша панически замахала руками, разгоняя дым, но тот упорно не хотел отправляться в форточку.

– Курите? – спросила громко вошедшая. – Ладно, чего уж там, дайте-ка сигаретку. Совсем забегалась.

– Ну, мне ещё печатать надо, – заторопилась Фаинка, – тут насчёт выступления из тридцать первой школы звонили.

– Подкинем мы им поэтов, – пообещала начальница и безо всякого стеснения, хотя знакомы они были весьма поверхностно, сразу взялась за Андрея. – Стихи я твои просмотрела. Нормальные, только, сам понимаешь, сейчас не прежние времена, когда рукопись в план вгоняешь – и пошло-поехало. Типографии деньги нужны, а деньги где, – если слегка подкорректировать Грибоедова.

– Где? – пожал плечами Андрей, словно давая понять, что материальная сторона его мало заботит.

– Брось юродствовать! Все мы писатели, только от замысла до книги ох сколько нервов нужно поистрепать. Ищи спонсора, а я со своей колокольни посматривать буду. Вернётся Василий Степанович, мы его к Левашову зашлём, хотя я этого жлоба знаю. – И, видя, что Ветлицкий и впрямь слабо ориентируется в такого рода премудростях, пояснила: – Леваш – бизнесмен. Выдвигается в кандидаты, как и Пулькин, к примеру.

– Меня Василий Степанович уже агитировал в этом плане.

– Вот проныра, хотя его кандидат –дохлый номер, а проходняк здесь полковник, но мне прямо к нему нельзя.

– Почему?

– Я с другими повязана, у которых деньги брала. Так вот,

ты про Орла запомни. Левашов же – запасной аэродром, но вряд ли он раскошелится, а стихи ты пишешь нормальные, – ещё раз подчеркнула Мирра, – красногорская школа. Чего там делал?

– В Красногорске? Учился в пединституте и печататься начинал у Лунина. – Андрей незаметно для себя самого перешёл с Миррой Нестеровной на демократический способ общения, но та уже забыла и о Красногорске, и о стихах, а, подбежав к тумбочке, стала названивать по телефону, обещающе помахав собеседнику рукой, и тому ничего не оставалось делать, как ретироваться.

В приёмной, за пишущей машинкой, сидела Фаинка, а возле неё, опираясь на спинку кресла, стоял мужчина, одетый в туго облегающую мощный торс дублёнку, и, посверкивая лысой головой, о чём-то рассказывал прыскающей в кулачок девчонке. Увидев новенького, рассказчик смолк, и Фаинка, всё-таки достучав одним пальцем что-то в своих писаниях, сказала незнакомцу:

– Андрей Сергеевич, а это ваш тёзка, тоже поэт. Он на днях в «Енисее» печатался – Ветлицкий!

Лысоватый поэт улыбнулся:

– Будем знакомы. Значит стихи в «Енисее» печатаешь, а меня, представь, тамошний редактор на дух не переносит. Говорит: «Фомичёва лишь через мой труп на газетную полосу», – только я полагаю, что переживу и его, и газету. Вот Орлов придёт к власти, он это осиное гнездо порушит! Ты,

конечно, за Лёшку голосовать будешь, а то наши Пулькина двигать намерены, тоже мне – фигурант. Я сейчас пародию на него почитаю.

Андрей с грустью слушал фомичёвскую хохму о похождениях гендиректора строительного треста и соображал, что на дневной автобус к себе в Отрадное он опоздал, а значит, вечером, когда люди будут возвращаться с работы, не избежать давки. Потом пародист предложил обмыть «встречу двух поколений», и Фаинка вытащила за стол Мирру Нестеровну, которая, посмеиваясь, продолжала внимать поэтическим изыскам тёзки Ветлицкого. Подвыпившая секретарша повизгивала в особо хлёстких местах, и казалось, конца-краю не будет импровизированным посиделкам. Действительно, расходились едва ли не в сумерках, причём Фомичёв предложил Андрею доехать с ним до автовокзала, но потом раздобрился, и двенадцать вёрст до пригорода, где жил Ветлицкий, были покрыты в считанные минуты.

Поэт вёл машину слегка рисуясь и всю дорогу хвастался, что у него все гаишники «знакомо», во что Ветлицкий почему-то сразу поверил. Он вообще был в раздвоенных чувствах: с одной стороны, жаль времени, угробленного впустую, а с другой стороны – лишнее знакомство не помешает, да и не киснуть же в одиночестве?

Высадив Андрея у дома, где в одной половине жили какие-то пенсионеры, а во второй он, Ветлицкий, друг всех ментов развернулся и, посигналив, уехал. Наш герой же мах-

нул рукой и пошёл к себе, радуясь хотя бы тому, что добрался сюда бесплатно.

4

Предвыборная кампания набирала темпы: зарябило в глазах от пестроты плакатов, которые вроде бы сами собой про-являлись на самых неподходящих местах, начиная от дверей магазинов и кончая бетонными стенами общественных туалетов.

У Андрея в пятницу было два урока, а физрук собирался в спорткомитет, вот и предложил подбросить коллегу в город. При въезде, на заборе солдатских казарм, аршинными буквами красовалась надпись: «Банду Комова под суд!» Комов, нынешний председатель правительства, по слухам, был человеком слабохарактерным, и его друзья за спиной шефа проворачивали весьма рискованные делишки. Почти рядом с первым красовался второй призыв: «Орлята учатся летать!»

– Тоже мне летуны! – усмехнулся физрук, кивнув на агитку. – Никому не верю! Все они хороши, пока портфели не похватают, а там – полнейшая амнезия.

Ветлицкий думал совсем о другом и невпопад ответил:

– Знамо дело, Орлов – военный, он не станет терпеть такого, что творилось при Комове.

– Да брось, не станет. Возьми хоть его девиз – эти три «ЗА» – зарплата, занятость и защита.

Андрею было неловко спорить с хозяином потрёпанного «москвича» который имел в своём активе троих несовершеннолетних детей, но всё-таки он не выдержал:

– Хороший лозунг, как раз для нашей неразберихи.

– Так я Орлову твоему и поверил. Думаешь, на меня их демагогия действует? И не таких ловкачей видали. А, чёрт, на красный свет проскочили! Ну, теперь дёргаться поздно! Тебе куда в городе надо?

– Ближе к центру.

– Тогда на Садовой свернём. Удивляюсь твоей наивности. – Многодетный физрук покрутил головой, подгоняя машину к бордюрику. – Скажешь тоже – три «ЗА». – Он, кажется, забыл, что сам рассказал Ветлицкому про орловское изобретение. – Об заклад быюсь: дай полковнику власть – и все «за» обернутся «против»!

Смутившийся пассажир уклончиво пробовал возражать и твёрдость проявил только тогда, когда физрук предложил забрать Андрея назад, из города.

– Да нет, чего ты будешь меня выглядывать? На автобусе доберусь.

– Ну смотри, а то подскочу куда надо.

– Куда – ещё сам не знаю, ребята просили в радиокомитет заглянуть и так далее, – отнекался Ветлицкий и выскочил из машины услужливого физрука.

В Доме радио, на втором этаже, пока пригласивший его репортёр перематывал в подсобке плёнку и готовил аппара-

туру, Андрей болтал с прехорошенькой журналисткой Мариной. В это время в студию вошёл мужчина в тяжёлой кожаной куртке, высокий, без шапки, в руке папка, тоже из чёрной кожи. Та напористость, с которой неожиданный посетитель предстал перед сидящими, выдавала в нём человека действия. Открытое лицо вошедшего показалось Андрею знакомым, и он поспешил подняться навстречу, протягивая руку:

– Добрый день, Ветлицкий, пишу стихи. Мы знакомы, кажется?

– Орлов Алексей Иванович.

Удивлённая Маринка, пискнув, скрылась за дверью, а школьный учитель с трудом постигал, что это и есть тот самый Орлов, за которого Андрей так ратовал сегодня перед физруком. Кандидат же в председатели республиканского правительства усмехнулся:

– Знакомы, говоришь? Ну, я-то твои стихи припоминаю в газете, где ты за своих коллег заступался, что им зарплату третий месяц не платят, или ошибаюсь?

– Да нет – всё точно, это же Комов виноват.

– Вот видишь, он слюни распустил и даже учительство обирает, но, думаю, с такой постановкой вопроса ему в кресле не усидеть.

Тут снова открылась дверь, и в комнату втиснулось человек пять. Все стали здороваться, похлопывать Орлова по крутым плечам.

– Пойдёмте в главную студию, Алексей Иванович, а Пулькин-то не явился, как договаривались.

– Да этот гусь никогда не согласится на дебаты лоб в лоб, вот и Комов – тоже. Нечего им возразить против того, что уже имеем!

Когда дамочки увели Орлова, парень, тот самый, что пригласил Ветлицкого на радио, Влад Булгабин, крикнул ему из соседней комнаты: «Заходи!» – и Андрей, не успев попрощаться с полковником, раздосадованно махнул рукой. Потом они скоренько записали на диктофон несколько стихотворений, причём Влад не скупился на комплименты, комментируя запись. Впрочем, это не очень понравилось «нашему поэту», но в целом на душе у Ветлицкого полегчало, и от Булгабина он вышел с тайной надеждой ещё раз увидеть Орлова. «Пожалуй, физрук не прав, – рассуждал Андрей, – нельзя жить так, чтобы никому не верить, а то, что судьбы других взаправду волнуют кандидата, совсем не плохо». Доморощенный пиарщик так распалился в своих политических измышлениях, что совсем забыл зайти к Светлане Куксовой, которой обещал подарить сборник Бродского, а вспомнив, повернул к центру города.

5

В коридоре редакции, к удивлению Андрея, ввернули лампочки и двери многих кабинетов были распахнуты на-

стежь. По пути заглянув к Лине Фёдоровне, он с интересом выслушал её рассказ о том, что Орлов с Левашовым сегодня у них встречались, к несказанной радости журналистской братии, причём Алексей Иванович остался недоволен однобокостью освещения его программы на страницах газеты. Проходившая мимо Сунцова, заслышав о том, что обсуждается реакция на её публикацию, стала оправдываться:

– Я отсебятины не порола. Полковник сам статью перед этим вычитывал.

– Будет вам статья, пятьдесят восьмая, – пошутил Андрей.

– Сейчас не то время, – огрызнулась Магда, – а вот с денежного довольствия могут снять. Это мы сегодня правительственная газета, а завтра – чем чёрт не шутит, может и городская дорогу перебежать.

– Городская? Ни в коем разе! – заверила заглянувшая в дверь Светлана. – У Орлова с ней нелады. – И пошла дальше, бросив через плечо: – Андрюша, зайди ко мне!

Ветлицкий сделал вид, что ему не очень-то понравилась такое запанибратство, но Магда усмехнулась:

– Не фордыбачься, девчонка твоими виршами интересуется.

И всё-таки Андрей, сохраняя хотя бы внешнее приличие, сначала заглянул к Старцеву. Завотделом культуры опять стал рассказывать о борьбе красных с белыми, но, видя, что это вовсе не волнует Ветлицкого, решил подсластить пилюлю:

– Ты об издании книги думаешь?

– Думай не думай, а денег нет, – вздохнул начинающий литератор.

– Будут, – разулыбался Герман. – Гришу Сапрыкина получишь, он у вас комсомолом командовал?

– Не того ли, что в партию меня вербовал?

– Точно, теперь он птица большого полёта. На днях встретил и говорит: «Дам вам с Ветлицким по энной сумме, в виде спонсорской помощи. На книгу хватит». Так что готовь рукопись, а там видно будет.

Это сообщение заметно повлияло на рефлексирующего поэта, и к Светлане Андрей зашёл в приподнятом настроении. Света была не одна. За столом, напротив, сидела красивая женщина в белом пиджаке, каштановые волосы стекали на плечи шикарной такой волной. Куксова, заметив интерес молодого мужчины, недовольно дёрнулась:

– Вы знакомы? Это Кира Левашова.

– Левашова? – Ветлицкий постарался скрыть чувство рас-
терянности, пока соображал, не родня ли она тому самому Левашову, который...

– Можешь не гадать, – не стерпела Светлана, – Левашова она по мужу – фирма «Лотос», и Альберт её ангел-хранитель.

– Кончай, Куксова, – улыбнулась Кира и тут же обратилась к Андрею: – А вы чем занимаетесь?

– Учительствую в сельской школе, верней в посёлке, и...

– Он у нас, Левашова, поэт. Ты не скромничай, расскажи тёте!

– Мне тоже фамилия ваша знакома – Ветлицкий... и тоже писал стихи? Нет – прозу, – раздумчиво произнесла женщина в белом пиджаке. – В Красногорске учились?

Андрей вспомнил, где он мог видеть эту дамочку. Как-то на литобъединении у Романа Лунина он заступился за неё перед очень уж строгими литераторами. Вспомнил и сказал об этом своей новой знакомой.

– Точно! – обрадовалась Кира. – Вот где встретились, а я сначала подумала: парень сюда объявление пришёл дать, у двери зажался. – И видя, что Куксова потянулась к своим замызганным чашкам, отстранилась. – Я спешу.

– Кирке лафа, она вольный стрелок: хочет – пишет, а хочет – нет, – заметила Светлана. – Недавно с мужем в Сингапур ездила. Нормально там, в Сингапуре?

– Брось хохмить, Светлана.

– Я бы с радостью бросила, да поднимать некому. О коммерсанте и не мечтаю, хотя бы сторожа. Вот Андрей куржится, а чем я хуже тебя?

– Ну-у, когда я с Аликом познакомилась, он дежурствами в общежитии подрабатывал, мы и встретились сначала на вахте.

– Где бы себе такого охранника подыскать?

– Я тоже пойду, пожалуй, – видя, что Левашова поднялась из-за стола, сказал Ветлицкий. Хозяйка кабинета, кажется,

рассердилась, что её протеже собирается уходить с женой известного бизнесмена. И хотя они выплыли из редакции вместе, Кира села в машину и укатила, а Андрей потопал на троллейбусную остановку. Шёл, в душе сожалея, что выскочил за Левашовой. Зачем, он и сам не знал, полагая – вдруг ностальгия у той проснулась. Да плевать бывшей участнице литературных капустников Кире Стручковой (вот как её девичья фамилия) на таких полунисших поэтов, когда она за просто по дальним странам раскатывает, а чем ей ещё заниматься? Стихи Кира писала слабые. Правильно их тогда ребята раскритиковали. Зато теперь она на коне, а он, Ветлицкий? Впрочем, если бы Андрей знал, что вскоре он снова встретится с Левашовой, то не был бы столь категоричен.

Дня через три после разговора в редакции новая литературная звезда республиканского центра снова выбралась в город. В Союзе писателей, кроме Фаинки, никого не было, да и та уже собиралась уходить. Завидев Андрея, она обрадовалась:

– Я сейчас на митинг бегу – пойдёте!

– На какой ещё митинг?

– Да вы как будто с луны свалились, сегодня пикетирование Дома правительства, чтоб зарплату людям давали вовремя, и выступления кандидатов.

Ветлицкий вспомнил, что недавно в школе на профсоюзном собрании тоже выбирали представителей ехать в город. Посмотреть на подобное представление Андрею показалось

забавным, и он согласился.

6

На площади возле Дома правительства митинг уже шёл вовсю. Судя по плакатам, которыми помахивали на лёгком морозце манифестанты, здесь были в основном интеллигенты и пенсионеры. Здоровенный мужик растягивал руками бумажную ленту, на которой алела надпись: «Комов, гони деньги!» Две вполне прилично одетые женщины время от времени поднимали над головами собравшихся лозунг с призывом к правительственным чиновникам: «Вам бы наши ставки, не нужно и отставки!» Посредине площади стоял грузовик, и на его платформе, у микрофона, сгрудилось человек пять.

— И Комов здесь, — подтолкнула соседа Фаинка. Предсовмина Андрей не заметил, зато Орлова увидел сразу. Тот, несмотря на хиус, стоял без шапки, в своей неизменной кожанке. Только белый шарф несколько смягчал черты его грубоватого, обветренного лица, и вообще во всём облике бывшего командира парашютно-десантного полка просматривалась готовность к решительным действиям.

Пока Ветлицкий разглядывал ораторов, Фаинка куда-то исчезла, но неожиданно Андрей почти вплотную столкнулся с Левашовой Киной. Он её сначала не узнал, но та сама кивнула учителю:

– Для истории запоминаете? – и неожиданно добавила: – А у меня муж здесь. Слева от Орлова стоит.

– Так я и думал! – вырвалось у Андрея.

– Что?

– Ну, если ваш муж здесь, то кто же ещё, кроме этого молодца, может составить конкуренцию Алексею Ивановичу?

Хотя рядом с готовым всё сокрушить Орловым Кирин муж смотрелся не столь эффектно, да и стандартная униформа нового русского не располагала к тому, чтобы вызвать симпатии толпы, тем не менее Левашов поэту понравился, впрочем, и нынешний депутат Госдумы был в завидной спортивной форме. Когда один из ораторов перед Орловым сунулся к микрофону, на площади зашумели:

– Долой! Не хотим демагогов слушать!

Замурзаная бабёнка, стоявшая неподалёку, дико взвизгнула:

– Личный быт обустроил, теперь власти попробовать захотел?!

Андрей догадался, что это Пулькин, но Кира, придерживая соседа за локоть, зашептала, стараясь показать, насколько она информирована:

– Ты смотри-ка, Пулькина по кочкам несут! – и едва не захлопала от восторга в ладоши, совсем по-девчоночьи. При этом от Левашовой повеяло чем-то юным и свежим, а у микрофона уже стоял её муж.

К чему тот призывал собравшихся, смущённый молодой

человек так и не понял. Ему казалось, что он ощущает только биение сердца своей соседки, когда та, при особенно громких возгласах с трибуны, всё плотнее прижималась к нему. Так они и стояли. Уже Орлов произнёс свою краткую речь, потом Комов не то оправдывался, не то обещал, переминаясь у микрофона... Наконец Левашова очнулась:

– Алик сегодня говорил сумбурно – тушевался, что ли?

«А ты разве не пропускаешь ни одного его выступления?» – хотел съязвить Ветлицкий, но сдержался и только заметил:

– Нормально. Сразу видно – деловой человек.

Такой отзыв, видать, понравился жене «делового человека», и она предложила:

– Я тебя с ним познакомлю?

– Сделай милость, – пожал плечами Ветлицкий, не до конца понимая, для чего это нужно, – если он не сбежит раньше времени.

Выступавшие уже спускались с грузовика, впрочем, Левашов уезжать не торопился: у самого трапа его перехватили два ветерана и основательно стали наседавать на кандидата, но Кире надоело ждать.

– Извините, – тоже решительно оттерла она надоедливых спорщиков, – Альберт, можно тебя?

Мужчины поумерили свой пыл, а Левашов протянул руку Андрею:

– Понимаю, очередной представитель медийных органов?

– Ты ещё не глава правительства, а уже такой проницательный, – пошутила новая знакомая, – это Андрей Ветлицкий, мой универовский товарищ.

И хотя Андрей никогда не учился с Кирой в университете, а тем более не числился в её прежних друзьях, он не стал объяснять, кем приходится жене бизнесмена, а просто пожал протянутую руку.

– Альберт, поехали! – замахали ему от автомобильной стоянки.

– Вот всегда так, – сказал он, – а ты, – обратился уже к Андрею, – забегай, когда время будет. Визитку Кира даст. – Но, видя недоумение на лице Ветлицкого, добавил, слегка помедлив: – Раз товарищ университетский.

Невнимание со стороны мужа слегка озадачило мадам Левашову, и она раздосадовано попеняла Ветлицкому:

– Вы, мужчины, всегда из себя занятых корчите, хотя мы тоже немало вкалываем. Лично я сама себя обеспечиваю, а то, что приносит Альберт – излишества, без которых вполне можно и обойтись.

– Насколько я понимаю – ты привыкла к таким излишествам, да и к вниманию, которое оказывается жене Левашова? – не удержался Андрей.

– Привыкла, и всё-таки иногда такое нахлынет. Вот закрою глаза и думаю: всё отдала бы за недельку-другую, чтобы вернуться, ну если не в детство, то хотя бы в студенчество – голодное, общежитское. Небось решил, что у меня дети

роскошно устроены, прислуга и прочее.

– Угадала.

– Сыну шесть лет и живёт у мамы, а прислуга? Управляюсь самостоятельно.

Так, за разговором, незаметно подошли к автостоянке, откуда недавно увезли Левашова, и Кира спросила Андрея за просто:

– У тебя на сегодня какие планы?

– В Союз пойду, – ответил он, помешкав, – а то домой не хочется, да на вечернем автобусе бока мять.

– Разве ты не в городе живёшь?

– Нет, рядышком. В Отрадном.

– Господи, отчего мы раньше не встретились? У нас там дача. Ты, случайно, не ближе к бору живёшь?

Ветлицкому не хотелось распространяться о своём житье-бытье, и Кира, словно поняв это, предложила:

– Давай проветримся, мне тоже неохота домой, тем более Левашов вернётся не раньше двенадцати. Обратил внимание на ребят, что пошли за ним? – Андрей припомнил каких-то типов в кургуzych чёрных куртяшках, которые повсюду таскались за Киркиным мужем. – Телохранители, а их Алик берёт с собой только на ответственные мероприятия. Я ему говорила: «Зачем тебе эти выборы?» Нет, упёрся, хотя понимает, что Орлова ему не обойти, но заело упрямство. Ладно, поехали!

Кира неплохо водила машину, и, поколесив по городу, они

выскочили на объездную дорогу. Здесь, за новым мостом, в пойме реки, было тихо-тихо: ни ветра, ни шума, только снежинки, бестолково толкаясь, кружили над широкими полыньями, и синела сквозь частые заросли ивняка полоска леса, да за нею дымились трубы городской ТЭЦ.

Бросив свою «десятку» у обочины, женщина стала спускаться к реке, и Андрей, глядя на узкую цепочку следов, снова загрустил, хотя стихи писать не хотелось. Нравилось просто наблюдать за тем, как почти посторонняя женщина подошла к воде и склонилась над полыньёй с того края, где волна оmyвает камни. «А всё-таки у Левашовых в семье не всё так гладко, как бы это хотела представить Кира», – подумал Ветлицкий и, видя, что его спутница машет рукой, тоже стал спускаться к реке.

Остановился он почти рядом с присевшей на корточки любительницей зимних прогулок, и Кира, чувствуя на себе пристальный взгляд, резко выпрямилась. Лицо её зарумянилось, тёмно-каштановая прядь волос выбилась из-под башлыка дублёнки, и тогда Андрей не сдержался. Целуя Левашову, вспомнил про то, что почти так же близко стояли они на площади, только шум толпы был несравним с лёгким плеском воды и небо, кажется, посветлело.

Машина мягко подрулила к неказистому деревянному

строению, в котором жил Андрей. Ему было неловко за такое жилище, но не просить же Киру остановиться за два квартала, а посему Ветлицкий решил: будь что будет. Там, у речки, они долго стояли на ветерке и за время, которое затратили на дорогу, не успели согреться.

– Я хочу посмотреть, как ты живёшь, – напросилась в гости Кира, и случайный пассажир истолковал такое желание как простой каприз.

«Всё правильно, – подумал он, – молодой и красивой бабе обрыдли изысканные презентации, деловые встречи и светские рауты, хотя всё это в нашем городе – не более чем провинциальная пародия на шикарную жизнь».

В квартире, не топленной с вечера, было прохладно настолько, что Андрей, заметив, как гостя подула на свои пальчики, бросился разжигать печурку, в комнате запахло дымком.

– Словно в лесу, у костра, – пробормотала Кира. – Да ты не спеши, позволь, я тебе помогу.

– Разве у тебя получится?

– И не только печь могу растопить, но и замесить тесто, подоить корову. В детстве мы жили в селе, и мама приучала меня к самостоятельности. Жаль, её наука почти не сгодилась.

– А знаешь, – не стал лукавить Андрей, – мы, наоборот, расстались с женой потому, что она как раз мечтала о благах цивилизации, я же смог предложить лишь такую хибару. –

Пламя вовсю уже гудело в печи, и его отсветы плясали на стенах кухни, отчего-то Ветлицкому захотелось высказаться. — Даже такая ценность, как книги, — теперь не в пользу. Библиотеку собирали родители, полагая, что всё в мире проходяще и только разум вечен. Другие подсустились отпрыскам с благоустроенным жильём, покупали машины, а мой чудак-отец унижался перед теми, кто имел доступ к книжной торговле.

Гостья не сводила глаз с распалившегося Андрея, а тот внезапно смолк, сообразив, что родителей давно нет в живых, а книжные стеллажи выполняют полезную роль, скрадывая изъяны стен, превращая простую комнату в сносное жильё. Он уже было направился в залу, когда Левашова лёгким движением руки придержала хозяина:

— Знаешь, я всё понимаю, но не стоит опережать события.

На прощанье она сама поцеловала Андрея и уже от машины крикнула: «Свидимся», — впрочем, Ветлицкий так и не понял, был ли это вопрос или многообещающее заверение.

8

Руководительницу Союза писателей Ветлицкий встретил неподалёку от её организации. Несмотря на прохладное время года, она была одета в лёгкое пальто, на голове — беретик, который так шёл ей, женщине с замашками европейской девочки-подростка.

– Андрей, привет! – на манер стопроцентной подружки поприветствовала Мирра Ветлицкого. Она умела снизойти до любого, не теряя при этом собственного достоинства. – Бегу из Союза, там объявился подвыпивший Фомичёв и, сам понимаешь, от него в таком случае не отвяжешься. Проводи-ка меня, заодно поболтаем о жите-быте. Говорят, твои дела налаживаются?

Андрей сначала не понял, о чём его спрашивает Мирра, а она уже была в курсе того, что Сапрыкин обещал подкинуть денег на книгу:

– Кто такой этот ваш Сапрыкин?

– Из бывших комсомольских работников, друг Старцева. Вы, Мирра Нестеровна...

– Слушай, Ветлицкий, у нас с тобой разницы по годам – кот наплакал, а ты мне всё: «Мирра Нестеровна», – ещё бы тётей назвал, племянничек.

Вежливый педагог попытался было оправдаться, но председательница Союза его опять перебила:

– Хочешь казаться святее папы римского? Ладно, насилловать не стану, сам пообтешишься, а на обещания комсомольского функционера, пусть и бывшего, не очень-то надейся. Мы журнал организуем: «Стержень» – название не фонтан, однако спонсоры так пожелали, там редактор, ты её не знаешь, умница со столичным образованием, за бумагой к одному такому «Сапрыкину» ходила, а он в один день разорился, так что при случае не расслабляйся.

– Да я и так не очень.

– Вот и правильно. Давай на лавочке посидим, я сигаретку выкурю, а ты почему не куришь? Богеме положено.

– Какая с меня богема – сельский учитель, побирушка...

– Брось, Ветлицкий, комплексовать. Опыт в таком деле – штука наживная, могу поделиться, если о подаяниях заговорили.

Безденежный молодой человек с грустью посмотрел на засиневшее небо, и хотя ему нравился этот ни к чему не обязывающий трёп с красивой женщиной, Андрей боялся пропустить последний автобус, а у председательницы машины не было, только Мирру, кажется меньше всего беспокоил распорядок автобусного движения, ей искренне хотелось помочь товарищу по перу, заодно и в жилетку поплакаться.

– Запомни: спонсоры – люди рациональные, прагматики до мозга костей. Им чихать на твои сантименты, и поэтому лучше сразу ставить их перед фактом, что кроме базисных мощностей есть ещё и надстройка, в данном случае – литература. Мастодонты, конечно же, ни черта не читают и вполне уверены, что книг на белом свете и без их помощи напечатано предостаточно.

Слушая такие откровения, Ветлицкий загрустил: если даже у Мирры трудности с вышибанием денег у подобного рода публики, то куда ему, только имеющему желание поплавать в прибрежных водах рыночных отношений, без имени и поддержки, однако добровольная консультантка вошла во

вкус:

– Несу я такому всяческую ахинею, а сама исподволь внушаю, что полученные доходы нужно тратить не только на личные прихоти, но и делиться с нашим братом-писателем. Не подумай, что всё так просто, случается – в ресторан приглашают, полагая, что за свои деньги нужно расплачиваться, и не только изданной литературой. Тебе в данном случае проще, всё же мужчина.

– Мирра Нестеровна... – Андрей вспомнил недавнюю установку насчёт разведения антимоний и смешался. – Мирра... – почему-то напирая на эти два «рр», – я и сам на Сапрыкина не очень надеюсь, только не сидеть сложа руки.

– Ну, правильно, рукопись собери и Германа настрой хорошенько, если *ему* этот «Савва Морозов» пообещал. Да, вот ещё что, ты в будущий журнал небольшую подборочку сделай. Хотя власть меняется, Комов деньги допрежь обещал, а то и новая гвардия не откажет.

Внимая Мирриным наставлениям и краем глаза наблюдая за дюжиной нахальных ворон, которые расселись неподалёку на голых ветках тополиной аллеи, безлошадный поэт подумал, что до последнего рейсового автобуса осталось минут тридцать, не более, но его собеседница внезапно поднялась со скамейки:

– Всё, Андрей, в следующий раз, когда в город выберешься, забегай, – и зацокала каблучками к зданию, где её ждали какие-то свои, председательские дела.

Андрей возвращался из школы, когда неподалёку тормознула «Волга» и на дорогу вышел мужчина. Ветлицкий узнал в нём Алексея Ивановича, а Орлов, здороваясь, сразу взял быка за рога:

– Привет поэтам! Так ты здесь обитаешь?

Из соседней автомашины выскочил человек с видеокамерой, хотя Андрея взяло сомнение, что их слова можно уловить с такого расстояния, вторая машина отставала от первой порядочно.

– Да, здесь, в Отрадном, а вы какими судьбами? – растерялся местный педагог.

– Насчёт подтопления. Это вас грунтовые воды топят?

– Правильно, ту часть посёлка, которая в пойме. Мне и то ясно, что в низине строить негоже.

– Ну, раньше строили, лишь бы деньги истратить. Ваше начальство ко мне за помощью обратилось, хочу посмотреть своими глазами, заодно и с людьми пообщаться.

– Соберутся ли, разве пенсионеры?

– Эх ты, стратег! Да пенсионеры по нынешним временам основные выборщики, электорат! Ладно, не прощаюсь, на обратном пути заскочим. Ты где живёшь?

И пока Андрей объяснял, как найти свой дом, подошедшему Василию Степановичу, тому самому, который агити-

ровал Ветлицкого делать ставку на Пулькина, полковник всунул своё грузное тело в машину, и «Волга» медленно заюзилла по скользкой дороге. Видя недоумение на лице учителя, «перебежчик» вежливо объяснил:

– Меня ребята с Орлом отправили, потому что жалоба и на Союз была, по старой памяти думают, что писатели – народные заступники, а тебе, Андрюша, если денег дать, можешь чего-нибудь сообразить на скорую руку? Мы без обеда по району мотаемся, не у одних вас, как видишь, проблемы.

От денег Ветлицкий вежливо отказался и сразу же поспешил домой, ломая голову над тем, чем он станет угощать гостей. Уже дожаривая картошку, Андрей услышал, как от ворот засигналил автомобиль. Не дожидаясь, пока хозяин выйдет встречать приехавших, в избу заскочил Василий Степанович. Оглядев непрезентабельное учительское жилище, он покачал головой и быстро залопотал:

– Кончай свою самодеятельность! Мы думали у тебя перекусить, а ваши в поселковой столовой обед сготовили. Орлов за тобой послал. Ты один или с супругой?

– Жена у матери.

– Разошлись или просто взбрыкнула?

– А кто его знает? Вчера, кажется, разошлись, а сегодня уже ночевать приходила.

– Дело молодое, поехали!

В местной столовой, за сдвинутыми столиками, собралось человек восемь. Андрей представил их в своей комнатухе

и поёжился. Глава здешней администрации Серьгин выставил три бутылки армянского коньяка, но Орлов решительно воспротивился:

– Не гони, Михаил Кузьмич, – и, наклонившись к Андрею, тот оказался рядом, уточнил: – Я с апреля в рот не беру. Вот разве мой помощник, Рамзин?

Тот, на кого показал Орлов, только усмехнулся. Ветлицкий отметил необычную фигуру помощника: большеголовый, несколько сутуловатый мужчина, с умными, проницательными, как говорят в таких случаях, глазами. «Легко будет Алексею Ивановичу с такими гвардейцами, – отметил про себя приглашённый. – Да он и сам, пожалуй, не промах?»

Ели быстро: видимо, гости действительно торопились, – но и за столом продолжали обсуждать ту проблему, которую Орлов взял на заметку, хотя здесь одного желания было мало. Кроме того, что дома стояли в низине, мощная ГЭС, что находилась километрах в пятидесяти от посёлка, подпёрла грунтовые воды своим водохранилищем.

– Пока существенно не смогу помочь, – гудел через стол, в сторону главы местной администрации, Орлов. – Хотя кое-какие средства у своих друзей выдеру, чтобы воду из-под главных зданий откачать, а то вот учителя жалуются, что подвал в школе полный. Плаваете, Андрей? – повернулся благодетель к Ветлицкому.

– Плаваем – полбеда, фундамент может размыть.

– Это ты, Андрей Андреевич, заливаешь. – Серьгин неодобрительно покрутил головой. – Фундамент там ещё крепкий. – Но, сообразив, что в данном случае ему следует прибедняться, моментально развернулся на сто восемьдесят градусов, – а с другой стороны, конечно же, размывает.

Орлов усмехнулся:

– Лады! Вот если выборы забодаю, тогда посмотрим, что с вами делать, не на уровне благотворительности.

В окончании трапезы столовские официантки принесли арбуз, но Орлов, удивившись подобному деликатесу, решительно воспротивился:

– Пора ехать!

– Откушайте, – заискивающе произнёс Серьгин, – овощ не покупной, с полей возле поселковых дач. Там и левашовский терем стоит.

– Вот тебе раз, вотчина Левашова, а за помощью к нам идёте, – неодобрительно покрутил головой полковник.

– Да какой из Альберта глава правительства! Кроме своих лабазов, ничего не видит. – Глава администрации покосился на телеоператора. – Это я так, неофициально.

– Да ты не трусь, – успокоил Серьгина кандидат. – Мои ребята знают своё дело, что вырезать, а чего в эфир пустить. Пора закругляться.

Пока гости доедали арбуз, Орлов вышел с Андреем на крыльцо столовой.

– Ты нас прости, сбаламутили тебя с обедом. Думали про-

сто перекусить, а ваш налим чуть не банкет закатил.

– Да можно и так просто в гости зайти, – смутился Ветлицкий, – заодно посмотрите, как нынешняя «богема» живёт.

– Сегодня некогда, в другой раз. – И засунув руку в салон «Волги», полковник длинно посигналил клаксоном.

На ходу вытирая губы, свита высыпала на улицу.

– По коням, хлопцы, как любил говорить мой батька, кубанский казак!

Когда машины скрылись за поворотом и поселковое начальство вернулось в столовую, Андрей побрёл в сторону дачных коттеджей. На фоне нынешнего разлада появление Кирочки Левашовой представлялось молодому поэту едва ли не предзнаменованием, последним шансом окончательно не погрязнуть в пошлости бытия, а заодно захотелось угадать, какая из дач принадлежит его новым знакомым. Впрочем, до сосняка Ветлицкий в тот день так и не добрался, встретив по дороге одну из своих учениц, которая уже неделю не ходила в школу, и та пожаловалась на отца-пьяницу. Пришлось вместе с девчонкой идти к ним домой и там ругаться с подвыпившими родителями, но наставления подействовали мало.

– Нету сапог у девчонки, – твердила растрёпанная мать ученицы.

– И сапог, и тетрадей, – поддержал жену сердобольный папаша. «А пьёте-то с какой радости?» – хотелось спросить

Андрею, но он сдержался и, только пригрозив административной комиссией, недовольный, выскочил на свежий воздух.

10

Удивительный сон приснился Ветлицкому: они с Кирой на каком-то острове нежатся под лучами тропического светила, купаются в тёплом море, а потом вроде бы отправляются в ресторан. Столик заставлен изысканными блюдами, звучит мягкая блюзовая музыка, но Андрей понимает, что это сон, и пытается объяснить своей спутнице, чтобы она слишком-то не обольщалась, однако Левашова неловко отмахивается, и густо-красное вино из бокала, который Ветлицкий держит в руке, забрызгивает его белый костюм...

Любитель красивой жизни резко просыпается, не понимая, к чему бы всё это. Слегка кружится голова, и приходит сознание того, что ничего странного не произошло, а вот Киручку встретить бы совсем неплохо, но его мечты осуществляются только через неделю. К тому времени предвыборная кампания уже перевалила через свой экватор. Соперники прямо зашвыряли друг друга горами компроматов, по вечерам развлекая сидящих у телевизоров обывателей похлеще, чем участники КВН. Правда, полковник Орлов стоял как бы слегка в сторонке. Человек в республике новый, он заявил о себе ещё на выборах в Государственную думу. Комовские

законники попробовали было затеять возню вокруг его имени, но шумиха только помогла Алексею Ивановичу, теперь же сторонники существующей власти поджали хвост. Орлов на Комова тоже не задибался, против последнего работало само время – народ нищал на глазах: безработица и преступность брали людей за горло, а тут ещё Левашов намекнул в телевыступлении о каких-то неучтённых деньгах, и обыватели сделали стойку. На что Андрей был далёк от политики и то завернул к Сунцовой. Та, выслушав, усмехнулась:

– Брось горячку пороть, да и зачем тебе, Ветлицкий, про такое знать. Тут не тебе чета пробует бодаться, да пока...

– Понимаю, намекаешь про чужие сани, а сама жён новых русских в своих заметках бросилась защищать: и живут-то они серо, и валюту потратить не на что. Жди, пока муж за границу вывезет, – съехидничал орловский электрорат, но Магда удар выдержала, хотя слегка огрызнулась:

– А ты у Левашовой спроси: каково ей? Думаешь, если в манто да на новеньком лимузине раскатывает – и всё? Кстати, она уже на «мерс» пересела, можешь посмотреть в окно, значит, Кирочка где-то здесь, в редакции...

Ветлицкий вышел от Сунцовой слегка смущённый. Он мечтал о встрече с женой бизнесмена, а когда появилась возможность увидеться, понял: не всё так просто.

Пока размышлял, как поступить, в коридоре нос к носу столкнулся с Германом и тот потащил к себе.

– Вот, – ткнул он своему новому знакомому газету, – тут

про Гайдара дискуссию продолжаем, как он в Гражданскую здешних богатеев громил.

– Читал, – на всякий случай подстраховался Ветлицкий, поинтересовавшись, как там насчёт сапрыкинских средств на книги.

– Да куражится Гриша.

– Неохота капиталами делиться?

– Я его за язык не тянул, – заоправдывался Старцев и, видя, что собеседник собирается уходить, добавил: – Обещал – значит, сделает, а ты заходи ещё, поболтаем о смысле жизни.

«Точно, как маленький, всё красных с белыми примирить не может, в каких-то смыслах запутался», – думал Андрей, осторожно минуя дверь, за которой его могла поджидать Светлана, впрочем, совсем не радуясь, что так быстро выскочил из редакции, делать-то было нечего. В это время сбоку раздался сигнал клаксона. Иномарка цвета «мокрый асфальт» мягко выкатилась из-за торговой палатки, и женщина за рулём, ещё раз просигналив, поманила парня рукой. Ветлицкий узнал в ней Киру.

– Прыгай быстрее, – толкнула она дверцу изнутри, – а то ко мне тут уже напрашивались! – И едва Андрей успел плюхнуться на сиденье, как Левашова моментально прибавила газу. Послушный автомобиль легко, словно прыгнув, сразу одолел половину квартала.

– Вот и хорошо, что успели смыться, – Кира улыбнулась, – а то от крыльца Светка Куксова семафорила. Не заметил?

При упоминании о Светлане необязательный поклонник своей прежней журналистской симпатии затушевался и отвернулся к окну, вроде бы стараясь разглядеть ту, которая должна была им махать от редакционного входа, а сам сообщал, случайно он встретился с Кирой или та поджидала Андрея нарочно?

Пока ехали по городу, водительница иномарки помалкивала: кажется, она ещё недостаточно освоилась за рулём новой машины, — зато за городом современная амазонка так придавила акселератор, что Ветлицкий забеспокоился.

— Можешь пристегнуться, — озорно посоветовала Левашова, — а то выпорхнешь из салона. Вы, стихоплёт, народ ненадёжный.

«Точно Светка ей обо мне разболтала», — с тоской подумал «ветренный» пассажир, а вслух признался — скорей всего, хотел просто о чём-нибудь нейтральном высказаться, но вышло нечто другое:

— Я всё время думал о нашей встрече.

Получилось напыщенно и не очень-то искренне, но Кира неожиданно сбавила скорость и посмотрела на сидящего рядом.

— Вот как? Очень приятно слышать.

— Даже сон про нас видел, — совсем распоясался новоявленный кавалер.

— Надеюсь, приятный?

— Ещё бы, вдвоём на берегу лазурного моря. Прямо Капри

или Борнео.

– Я была на Бали. Там островитяне о нервах не имеют понятия, всё им до лампочки, – охотно отозвалась соседка, а подъехав к месту, где они прошлый раз останавливались, спросила: – К протоке съезжать не будем?

– Да она замёрзла.

– Тогда приглашаю тебя в гости, на дачу. Не возражаешь?

Неосторожный ловелас понимал, что оказался в глупейшем положении: если прикинуть, что мужу этой дамочки минут пятнадцать неторопливой езды от города, то в интереснейшем же положении может он оказаться, – и, кажется, Кира его поняла.

– Об Альберте подумал? – спросила она, впрочем ничуть не оставляя своего решения, потому что машина уже проскочила Отрадное и выехала к дальним дачам. – О муже не беспокойся, знаю, что делаю. У него выступление на ТВ, а потом небольшой мальчишник в ресторане часиков до четырёх утра.

– Какие же рестораны до стольких работают?

– Рестораны, сауны и массажные кабинеты для таких ребят не закрываются круглосуточно!

Скорей всего, Левашова специально провоцировала своего соседа и, кажется, достигла желаемого: городское прошлое и пединститутский спортклуб, где учили сбивать парой крепких хуков и не таких, как муженёк этой дамы, к имеющейся досаде добавили уверенности, но женщина сно-

ва снисходительно улыбнулась:

– Не комплексуй, сражаться ни с кем не придётся.

Пока Кира ставила машину в гараж, Ветлицкий определил, что живёт он отсюда минутах в двадцати ходьбы. Андрей и коттедж этот помнил, а вот хозяев ни разу не видел. Скорей всего, они не часто сюда наведывались.

Изнутри жилище мало напоминало типовую дачу, скорей это было нечто среднее между офисом и городской квартирой. Наверное, при оформлении интерьера боролись два вкуса, или начала: мужское – Альберта и женское – его супруги.

Усадив гостя перед телевизором, Кира вышла, наказав, чтобы он смотрел повнимательней, хотя сама она, по всей видимости, от передачи косяков не ждала.

В прямом эфире препирались между собой Левашов и Пулькин. Орлов почему-то отсутствовал, что снизило остроту встречи, но ведущая делала вид, что всё идёт по плану. Оба же кандидата весь свой пыл направили против Комова, который соизволил вместо себя прислать доверенное лицо.

– Как наши? – заглянула в зал Кира.

– Пулькин грозитя «одиннадцатую чемоданами», комовского представителя страшает.

– Это он его третьего зама воспитывает, хотя всё здесь неискренне, каждый кукиш в кармане держит. Вот Орёл – тот, возможно, и рубанул бы. Переключи программу, а лучше, если ты мне поможешь.

Андрей поплёлся за хозяйкой на кухню. Правда, помощник из него получился неважный. Открывая бутылку с вином – раскрошил пробку, на что Кира не обратила внимания. Она вообще стала какою-то другою, переодевшись в домашний халатик, словно хотела тем самым подчеркнуть, что от прежней мадам Левашовой не осталось следа, к тому же на босых её ногах красовались обыкновенные шлёпки. При виде такого простецкого аксессуара Ветлицкий вспомнил жену. Зря они разругались. Зря, а дача у Левашовых действительно классная. Хорошо, что Кира не осталась тогда в его холодной холостяцкой квартире и сегодня не стала давить Андрею на психику.

– Ты на меня смотришь, как на эту... – рассмеялась хозяйка дома. – Давай лучше выпьем, прямо здесь, на кухне, за всё самое-самое...

Женщина не договорила, за что им следует пить, и первую торопливо пригубила бокальчик. Вино охмуряемому поэту понравилось, хотя всё-таки продолжала смущать возможность появления супруга госпожи Левашовой.

– Не о рифмах, случайно, думаешь? – улыбнулась Кира.

– Почти угадала. – Андрей увидел в распахе халатика её голую ногу, приподнялся и поцеловал сидящую напротив женщину, правда лишь губами коснувшись бархатистой кожи лица, и «бывшая студенческая подруга» провела рукой по его щеке:

– А помнишь наши лунинские посиделки, вечера поэзии?

Как хорошо и просто тогда было: никаких проблем. Теперь же скажи честно: ты её любишь?

«Неужели про Куксову спрашивает?» – первое, что пришло в голову шкодливому молодому человеку. И, оттягивая момент ответа, переспросил:

– Кого?

– Жену.

На душе полегчало.

– Как сказать? – Андрею не хотелось врать, но и Киру расстраивать – тоже, но она сама догадалась.

– Можешь не отвечать, уже всё ясно. Любишь – и живёте порознь, а я – нет, и вместе, только что это мы всё о грустном? Ты ешь, а то останутся от встречи одни кривые воспоминания, как в зеркалах...

– Комнаты смеха красногорского парка отдыха, да? – подхватил Ветлицкий.

– Почти. Грустные зеркала прошлого, лучше почитай чего-нибудь.

– Давай ты своё. Небось пишешь?

– Только корреспондентский минимум, – вздохнула Кира, – и то больше для души. Впрочем, с меня Магда списала целую серию очерков о индифферентной жизни богатых женщин. Просто с другой колокольни взглянула, и что получилось...

– Пожалела богатеньких, а сама, скорей всего, бывшая комсомольская функционерка.

– Кто, Сунцова-то? Ты, Андрюша, шутишь или выпил лишнего? Ой, кажется, я и сама захмелела! Брось про работу трепаться, лучше о стихах поговорим. Вот Кукова до сих пор кропает...

– У Светланы не стихи...

– А что же?

– Опыты, у неё во всём – опыты.

– Здесь ты, пожалуй, прав. Кукова в больнице лежала – палату свою описывала, процедуры всякие, дефицит лекарств.

– У вас, наверное, всегда так: побежал дома кран – журналист заметку строчит, обобщает. Погасло электричество – может, веерное отключение – опять за перо.

– Что ты хочешь – обыкновенные люди...

– Вот и со стихами так же, только здесь ещё одна зацепочка нужна, влюбиться требуется в кого-то. Так что если хочешь продолжать...

– Всё-то ты знаешь, Ветлицкий, я уже влюбилась.

У Андрея неловко стукнуло сердце, словно напоминая о себе. Он бездумно поднялся и сделал первый шаг к той, которая в обыденном домашнем халатике вдруг показалась роднее жены, хотя о Людмилке он помнил и даже после, когда, лёжа с той, которая казалась в данный момент самой желанной и дорогой, не забывал об ушедшей от него женщине, невольно сравнивая два послушных горячих тела.

– А ты даёшь, стихотворец, – счастливо улыбнулась жен-

щина, бессовестно включая торшер.

«Хорошо, что стихоплётom не назвала, – подумал Андрей, вспомнив, что так его навеличивала Светлана, хотя Кира была гораздо отзывчивей и чувствительней. – Наверное, права Магда, жизнь у неё с Левашовым – не сахар. Ишь как вцепилась». Но рассуждать подобным образом о женщине, только что безраздельно отдававшейся ему, было неловко, и Ветлицкий, памятуя о чужом муже, засобиравшись уходить.

Провожая Андрея, хозяйка дачи вышла на улицу. Тишина и звёзды, словно крохотные снежинки, пронизывали сосняк, и казалось, только крикни погромче, и они просыплются серебристым дождём на округу.

– Здесь останешься ночевать или в город вернёшься? – зачем-то спросил заботливый донжуан.

– Здесь, – ответила Кира и, откинув башлык дублёнки, встряхнула мягкой гривой своих пышных волос. Так и стояла русалкой, глядя вслед уходящему, и когда Ветлицкий обернулся на повороте, то увидел, что женщина помахала ему рукой. Он тоже сделал нечто похожее, в тот же миг едва не выстелился на дороге, решил, что это ему в наказание за сегодняшнюю воровскую ночь.

В кабинете у Мирры Нестеровны сидел тот самый парень из радиокомитета, который когда-то записывал стихи

Андрея, – Влад Булгабин, сильно смахивающий на дервиша, правда в современной интерпретации. Ветлицкий в душе иронически относился к тому, с каким старанием Влад культивировал и поддерживал свой имидж. Даже его застиранная джинса, которую тот носил, не меняя ни зимой ни летом, казалось, должна была работать на сей затрапезный образ. Мирра внимательно слушала парня, а тот, скосив глаза в сторону, не то оправдывался, не то ещё что, но уступать не хотел. Скорей всего, председательница Союза высказалась супротив мнения журналиста.

– Заходи, Андрей! У нас тут разговор о поэзии: у Влада превалирует отрицательное начало, а ты как раз исповедуешь противоположное, вот и сравним, а поскольку вы оба молоды, и учиться надо.

Ветлицкому не понравилось замечание про молодость, тем более сама Мирра не намного их старше, но, имея в активе три крепких сборника и солидную должность, могла себе позволить такое. Андрей читал стихи Булгабина, и ему не нравилась манера последнего снимать кальку с известных авторов, сдабривая написанное не то поповщиной, не то бесовщиной, но меньше всего Ветлицкому хотелось ввязываться в дискуссию именно поэтов. На Влада у сторонника полковника Орлова был другой зуб: как-то вечером, слушая по местному радио его рассуждения относительно выборов, Булгабин заметил, словно бы в угоду теперешнему руководству, что «...не нужно хребет ломать», – то есть пусть всё в рес-

публике остаётся по-старому. Сейчас-то и стоило напомнить об этом просветлённому дервишу.

– Стихи ладно, а как вот быть с тем, что не нужно хребет ломать? – спросил Ветлицкий. – Считаешь нынешнее правительство благочинным?

Влад сразу понял, о чём речь, но ничуть не смутился, здесь он чувствовал себя менее уязвимым, чем в поэзии.

– Да, считаю!

– Неужели не видно из радиорубки, что народ нищает, побирушками и бичами вокзалы забиты. Ты что, никуда не едешь?

– Никуда.

– Но в церковь-то ходишь, глянь на паперть, – продолжал наседавать Андрей, намекая на имидж радиокорреспондента.

– Издержки при любых властях и режимах бывают.

«Толстовствуешь, святой угодник», – захотелось уколоть собеседника Ветлицкому, да он сдержался, а вслух продолжил:

– Значит, если быют по правой скуле – подставляй левую, так?

Долговязый начётчик, наверное, захотел разозлить оппонента, а может, просто отнекивался:

– Допустим.

– А мне кажется, ты просто своему начальству хотел угодить.

Влад усмехнулся... Мирру занимал этот диалог, и она, по-

куривая, сторонним наблюдателем поглядывала из-за своего большущего конторского стола на спорщиков.

– Начальство тоже уважать надо.

– Всё правильно, – продолжил духариться Ветлицкий, – то-то я смотрю, вы у себя, где на всю культуру тридцать минут в неделю даётся, для обзора литературной жизни то Блока, то Цветаеву с листа гоните, а разве мало у нас по республике молодых ребят? – Булгабин, склонив голову набок, похоже, и не думал возражать, а Андрея несло. – Да так-то оно и проще, когда взял с полки томик и почитал в микрофон вместо поездок по районам. – «Чтобы конкурентов плодить», – подумал и тут же добавил: – Вон Генка Тищенко, неплохой поэт, – спивается, или Игнат...

Тут Мирра, немного задетая словами Ветлицкого, не сдержалась:

– Ты напрасно развыступался, и с композицией по Цветаевой – тоже, её Коля Савин готовил у себя в театре, а насчёт молодых – так вот же вы, молодые. Спорите, даже ссоритесь, но стихи-то идут! Будем о ваших книгах думать, отправляем ребят учиться. Открыл Америку – поэты спиваются. Не сопьёшься, если голова есть.

Андрей и сам понимал, что спор зряшный, но простить Булгабину экивок в сторону разваливающего республику Комова, не мог, а собкор, тоже вроде слегка обидевшись, поднялся:

– Побегу я, Мирра Нестеровна, в двенадцать отбор мате-

риала, а у меня ещё кое-что не записано.

– Ты заглядывай, Влад. Кстати, – Мирра повернулась к Андрею, – наш Василий Степанович к Орлову переметнулся.

– Я знаю, они у меня были в Отрадном.

– Вот видишь, всё-то ты знаешь, а насчёт Орлова – встанет он у руля, ему будут дифирамбы петь. Ты политик слабый и не лез бы куда не просят, поверь мне на слово.

– Может, здесь вы и правы, но Булгабину я спускать не собираюсь, хотя бы за то, что больше о себе, любимом, пишет.

– Ну и ладушки. Я сейчас в «Енисей» иду. Если проводишь, по дороге доспорим.

12

В редакции «Енисея» первой, на кого наткнулся Андрей, была Куксова. Она поманила его пальчиком к себе и, хлопнув дверь кабинета, зло спросила:

– Заметаешь следы, Андрюша?

– Почему заметаю и от кого?

– Не строй из себя умника, а из меня идиотку. Наши уже в курсе, что ты с этой... на «мерсе» раскатывал.

Ветлицкому стало неловко, что его так быстро рассекретили, и он только пожал плечами, а Светлана продолжала наседать:

– Ты думаешь, что Кирка тебе денег на книгу даст или Альберт посодействует? Накося выкуси! Левашову полков-

ника не обскакать, и все это понимают, даже Комов, а ты распустил хвост павлином, но опять же: если Алику про жену настучат, то его ребята тебе башку в два счёта откроют, вместе с мыслями и стихами.

Такой вывод Ветлицкому не понравился. Конечно, он допускал утечку информации, но когда это будет, а с другой стороны, той же Куксовой ничего не стоит раскрыть Киркиному мужу глаза на заморочки его жены с «университетским другом».

– Зря та сердишься, – стал отрабатывать назад бывший Светкин любовник. – У Левашовых дача в Отрадном, вот Кира меня и подбросила... по пути.

– Ой, не лги, Андрюша! В прошлый раз словно кот прокрался по коридору мимо.

– Просто ребята сказали, что ты на вызове.

– Тоже нашёл скорую помощь. Впредь придумывай что-нибудь посерьёзней.

– И придумывать нечего. Лину Фёдоровну спроси.

Андрей правильно рассчитал, что у Лины его подружка ничего узнавать не станет, и та в самом деле поверила, верней принудила себя к этому – ей терять Ветлицкого не хотелось, а уже через полчаса она весело болтала голыми ножками в своей кровати, обнимая заблудшего ловеласа, который покорно сносил заполошные ласки азартной женщины.

Наигравшись вдоволь, Светлана убежала в ванную, а Андрей, полёживая в постели, вспоминал недавнюю ночь с Ки-

рой. На фоне нынешних скоротечных отношений в куксовской затрапезной хрущёвке та любовь с шикарной дамой казалась почти сном.

– Ты о чём задумался? – подкралась к кровати хозяйка алькова.

– О сухофруктах.

– Компоту хочешь? – засмеялась угодливо Светлана.

«Знала бы ты, чего я хочу», – про себя усмехнулся Ветлицкий, но сердить сотрудницу «Енисея» не стал и, улыбувшись, провёл рукой по щеке Светланы, потом по шее, потом по груди... От молодой женщины пахло чем-то свежим и необычным.

– Нет, нет! – отстранилась коварная соблазнительница. – Хорошо, у тебя свободный от уроков день, а мне работать надо, я же у Лины не отпросилась и от Солодовникова не жди пощады. Кстати, он к тебе неровно дышит, в смысле не очень-то расположен.

– Как понять... не очень?

– Да так, что на планёрке сказал: «Хватит нам из некоторых классиков местного пошиба делать...»

У Андрея снова испортилось настроение, он сразу вспомнил, что в редакции было за него кому заступиться, хотя бы той же Сунцовой, но, видимо, не заступилась. Светлана же, видя, что зря она лягнула здесь про выходку главного редактора, пугливо поворошила волосы развенчанному поэту:

– Ладно, не переживай, я побежала. Если хочешь, можешь

поваляться до прихода дочери, но с ней очень-то не шали, потом не отвяжешься.

– Я тоже, пожалуй, потопаю.

– Как хочешь, только выйдем порознь. Соседи – сам понимаешь.

– Понимаю.

– Не так понимаешь. Я после развода ни одного мужчину домой не водила. – На глазах у хозяйки квартиры появились слёзы. – Потому и мелькать не хочу, что не блядь какая-то.

Лёгкого расставания не получилось и Ветлицкий стал постигать, что он совсем запутался в своих отношениях с дамами.

13

Подростерявший было предвыборные очки Пулькин торжествовал: после очередной встречи с избирателями ему позвонила женщина и доходчиво объяснила, что имеет на Комова компромат, а если ближе к делу, то пусть копает под заказ на изготовление для одной из иностранных фирм специальных контейнеров, который обошёлся заводу в минус несколько миллионов.

– Ну и что? – не сразу соориентировался Михаил Степанович. – Значит, завод-то понёс убытки?

– Нисколечко, – заторопилась информаторша, – разницу компенсировали средствами из бюджета, отсюда и задержки

в расчётах с учителями, врачами и прочими.

То, что разговор был такой или подобный, Андрею поведал Герман, а тому Сунцова рассказывала, хотя подобный факт из чёрного пиара предвыборной борьбы Ветлицкого задевал не очень. Окончательно запутавшись в отношениях с Куксовой, он и с Кирой не определился. Порой Андрею казалось, что всё само собой разрешится, но и Левашова в последнее время нервничала: избирательная кампания мужа не вытанцовывалась, полковник Орлов буквально наступал на пятки. Пулькин распетушился, а ведь расчёт был иным, и как бы жена продвинутого бизнесмена ни делала вид, что её личная жизнь и предвыборная кампания – вещи разные, но всё-таки уже не могла с прежней беспечностью флиртовать с Андреем. Дёргаясь и комплексуя, она ещё раз свозила его на дачу, после чего сказала, что муж, кажется, что-то пронюхал, да и немудрено – доброжелателей вокруг хватало.

В промежутках между встречами с Левашовой Ветлицкий ухитрился повздорить со Светланой, зато дважды навевалась жена и в обоих случаях оставалась на ночь. Впрочем, Андрей привык к её нешумному существованию не вместе, но рядом, и та с этим вполне даже соглашалась, войдя в роль приходящей женщины настолько, что однажды, когда у их ворот тормознула чёрная «Волга», Людмила настолько переполошилась, что хотела спрятаться, вроде она-то и есть любовница. Ветлицкий вышел на улицу и сквозь затемнённые стёкла автомобиля различил Киру.

Оказалось, что Левашова взяла машину у своей подружки, так что, случись нарваться на местных гаишников... но Андрею такой прикол показался весьма забавным, и он, сообщив жене, что его вызывают в издательство, по-быстрому смылся из дому.

– Поедем к Лерке, страшно соскучилась по твоим бегущим глазам и растерянной физиономии, – иронизировала Кира по дороге. – Да, признаться, и надоело одной. Хорошо, когда есть отдушина.

– Выходит, старый друг – лучше новых двух? – заметил взволнованный пассажир.

– Ты ещё моих старых друзей не видел, и, к сведению, муж тобою интересовался. Зря мы тогда на митинге сунулись: «Альберт, познакомься...»

– Всё ты, а не мы, – вздохнул Ветлицкий.

– Я, я, строим скрытый матриархат. Ладно, это всё ягодки, теперь слушай меня внимательно. – Водительница чёрной «Волги» резко затормозила. – Выйдешь – и шагай вон до той девятиэтажки, квартира девяносто семь, подъезд третий и этаж тоже, но это минут через пять, я машину пока поставлю. Да не звони, заходи без стука, запомнил?

– Уже интересно, почти детектив.

– Интересно будет потом. Саёнара!

– Словечко из сунцовского лексикона?

– Не угадал, так японцы говорят «до свиданья», высаживайся быстрее.

Побродив, сколько было сказано, Ветлицкий пошёл к нужной девятиэтажке.

В указанной квартире его встретила Кира. Здесь, наедине, в чужой прихожей, она, почти как родная, прижалась к вошедшему, наверное, действительно соскучилась по своему новому любовнику, который, пока Левашова плескалась в ванной: «А то вся чужой машиной пропахла...» – успел послоняться по комнатам, снова завидуя хозяевам комфортабельного жилья. Потом пили вино, закусывали разной вкуснятиной, причём Андрею было неловко и за то и за другое.

– Зря комплексуешь, мне это ничего не стоит. Просто приятно посидеть вдвоём, посмотреть на этот снег за окнами, – тоже вроде бы оправдывалась Кира. – Представляешь, с удивлением поняла, что у меня, кроме тебя и сына, никого нет родней и ближе. Прости за откровенность, но я устала от левашовского кандидатства, от его друзей, лабазников и пройдох, устала от подозрений и назойливых телохранителей.

Андрей молча слушал Киру, а та становилась всё печальней и ближе. Ни о чём не хотелось думать: пусть всё останется как есть – чужая квартира, снег за окнами. Его собеседница подошла поближе. Запах, вернее, аромат чужого тела и дрожь желания накатили волной на ошалевшего мужчину. Андрею не верилось, что он уже обладал этой, с виду такой недоступной женщиной, столь тепла и приятна кожа, столь свежи и упруги груди, столь светла и щедра душа. Пусть всё

длится до бесконечности.

Возвращаясь со встречи с Кирой, неожиданно по-королевски благодетельствованный чужим вниманием школьный учительшка только крутил от удивления головой:

«Это надо же повернуть такое, возится со мной, как с мальчишкой, – думал Ветлицкий, подходя к городскому скверу. – Сегодня она была особенно привлекательна, и это несмотря на незнакомую обстановку, чужую постель». Андрей остановился под большим деревом, слегка кружилась голова, но удивительно легко дышалось прогорклой свежестью зимнего сада. Прохожих не было, только вдали по аллее шёл навстречу какой-то парень и, кажется, разговаривал по мобильнику. Подойдя поближе, крутой мен сунул телефон в карман и вежливо осведомился у слегка рассеянного поэта: «Закурить не найдётся?» Ветлицкий только пожал плечами и даже не успел сострить, мол, сотовый имеешь, а курева нет, как был сбит резким ударом в голову. Потом его долго пинали, перебрасывая с ноги на ногу, как тряпичную куклу, ещё двое откуда-то подвернувших хулиганов. Возможно, и покалечили бы, но помешал армейский патруль.

О своих спасателях пострадавший узнал в больнице, где его восстанавливали до прежней кондиции. Полёживая в больничной постели, любитель чужих жён и высокой поэзии с трудом сводил концы с концами в той ситуации, в которой он оказался. Выходит, права была Куксова, когда предупреждала о чём-то подобном, и та словно почувствовала, что о

ней думают, не заставила себя ждать, появившись у постели больного.

– Ты как про меня узнала? – удивился Ветлицкий.

– В горотделе.

– Специально ходила?

– Брала информацию уголовной хроники.

– Я уже в хрониках фигурирую. Поздравляю себя – любимого: «Наш постоянный автор А. А. Ветлицкий в среду вечером подвергся нападению неизвестных». Да?

– Почти; только можешь добавить: «...и был спасён от неминуемой гибели солдатами местного гарнизона». Теперь всё ясно, кроме одного: а что ты делал в этом скверике ночью?

– Где же ночью, просто зима и... темнеет рано.

– В глазах у тебя потемнело рано, – улыбнулась Светлана. – Ничего, ты пока выздоравливай, завтра следак пожалует, я уже узнала в отделе.

– Что за фрукт, зачем? – переполошился Андрей. – Простили тебя?

– Не суетись, он бы и сам нагрязнул, а следовательно хороший, по особо важным...

– Господи, что ещё за «особо важные»? Три качка одного подвыпившего ротозея побили! – возмутился Ветлицкий и прикусил язык, поняв, что сболтнул лишнего, но Куксова сразу смекнула, здесь какая-то собака зарыта.

– Ты ещё и пьян был в придачу?

– Только самую малость.

– Уже теплее, колитесь, подследственный.

– Всё может быть, когда после сопоставления ряда факторов станет ясно, что жертва могла бы являться участником неких тёмных дел, которые ей помешали совершить случайные молодые люди...

– Добавь к этому, что ещё и переговаривались по мобильникам...

Положительно, у избитого хулиганами поэта какие-то шарики в голове сдвинулись!

– По мобильникам, значит, за вами, гражданин, специально следили?

– Да брось ты комедию ломать, сил нет отвечать. – Андрей стал слегка изображать усталость, но Светлана уже, кажется, крепко вошла в роль настоящей следачки.

– Ничего не брось, сердцем чую, что при твоей шустрости выйти на искомый объект можно, только хорошо организовав наблюдение. Говори, ты у Кирки был?

Андрею и вправду стало плохо.

– Какая Кирка, что ты несёшь?

– Всё логично, выследить тебя могли только её ребята, а верней, Альберта, и если даже я тебя в пять минут расколола, то они-то и впрямь башку оттяпают, и никакой патруль не спасёт, а сейчас, видимо, просто пугнули. Ладно, я побежала, выздоравливай, – крутнулась журналистка и, воровато оглянувшись по сторонам, сунула руку под одеяло. – Всё на

месте? – и засмеялась, а виновник подобного рода внимания хотел рассердиться, но сумел сдержаться.

– Убедилась, что не отшибли?

– Ага, значит будем рассчитывать. – И чмокнув «героя» в безобразный синяк под глазом, пошла к выходу, шутливо покачивая бёдрами.

Светлана ушла, а, взволнованный только что услышанным, друг почувствовал себя очень маленьким и беззащитным, почти как в детстве, но там за него было кому заступиться, сейчас же не Кирке Левашовой жаловаться? «Пропаду, – подумал Ветлицкий, – и добрым словом никто не помянет. Из родных-то осталась одна жена, и та стала какой-то зашуганной, ишь как в прошлый раз испугалась, когда “Волга” к дому подъехала, только лучше бы характер проявила. Кто поймёт этих женщин, то они принципиальны сверх меры, а то ниже травы, тише воды, за-ра-зы!»

14

Благодаря чьим-то молитвам обещанный Куксовой следак в больницу к Ветлицкому так и не пришёл, а сам больной упросил врачей, чтобы его выписали пораньше – в школе заканчивалось первое полугодие, нужно было выставять ученикам отметки, да и здоровье восстановилось, не считая головокружения и редких болей в груди.

Первым делом Андрей решил меньше болтаться по горо-

ду, а вплотную засесть за рукопись, тем более всё ещё теплилась надежда на сапрыкинские средства, но тут вскорости надвинулись новогодние праздники, а следом за ними и выборы, которые оказались удачными для Алексея Орлова.

Толпа, собравшаяся на принятие присяги новым главой правительства, шумела и волновалась, почти не слушая выступления победителя, да тот мало что говорил по существу, сам ещё до конца не поверив в случившееся.

Выстояв инаугурацию, Андрей решил заскочить в Союз писателей погреться, заодно прощупать почву насчёт помощи, которую обещала ему Мирра. Только в Союз ему в этот день так и не суждено было попасть: на переходе, у столовой «Гидропроекта», откуда-то сбоку вывернулась со своим репортёрским магнитофоном Кукова.

– Андрей! – замахала она поэту, и Ветлицкий понял, что никто за него тот узел, который он завязывал собственными руками, развязывать не собирается. Светлана была не одна. Рядом с ней пробиралась навстречу женщина в потёртой шубке и в чёрном кружевном шарфе, глядя на который ему показалось, что дама переживает траур.

– Знакомься, моя подруга. Может, заскочим в столовку, перекусим?

– Нина Штурова, – протянула руку высокая незнакомка.

– А я – Ветлицкий.

– Андрей, – вмешалась Светлана, – ей всё известно – и какой ты писака, и какой непостоянный.

– Постоянство – признак ограниченности.

– Завёлся, – констатировала журналистка и первой двинулась ко входной двери заведения общепита.

В обеденном зале, за церемонией подготовки к трапезе, Ветлицкий получше разглядел куковскую подругу: с виду очень странную и, по всей видимости, несчастную женщину. Подтвердила его догадку и сама Нина. Уже доедали первое, когда она неожиданно громко сказала, почти ни к кому не обращаясь:

– Я читала ваши стихи в газетах, но сначала не поняла, что они столь грустны, а когда умер Володя...

– Брат, – поспешно пояснила Светлана.

– Да-да, мой брат, то после я поняла, в них какое-то странное начало, хотя пишете вы от лица мужчины.

– От чьего же лица мне ещё писать?

– Конечно, вот и Света... нет-нет, не подумайте ничего плохого...

Нина не нашлась, о чём говорить дальше, и слегка смутилась, а Ветлицкий подумал, что у его собеседниц нечто большее, чем простая дружба. Эта мысль неприятно удивила проницательного поэта. Он внимательно посмотрел в глаза своей новой знакомой, потом перевёл взгляд на Кукову. Возможно, его соседки что-то почувствовали, потому что обе как по команде повернули головы к окну и Светлана удивлённо воскликнула:

– Ой, народу на площади почти не осталось!

– А ты ещё хотела интервью у сторонников Орлова
взять, – поддакнула ей Нина.

– У меня возьми, – пошутил Андрей.

– А правда, – обрадовалась Куксова и, достав диктофон,
защёлкала кнопками.

– Прямо здесь надрываться? – переспросил интервьюиру-
емый.

– Не в редакцию же к твоей Кирочке, – огрызнулась Свет-
лана. – Да она и не в духе по поводу проигрыша Альберта,
хотя можно и к Магде подвалить, она к тебе хорошо отно-
сится. Тут на днях говорит: «Сколько бездарей в нашем Со-
юзе, а Ветлицкий такой способный, только книжки своей не
имеет».

– Чего ты хочешь, – заоправдывался Андрей, – столько
лет не писал, – и обернулся к Нине. – Так вышло, что крепко
меня в Красногорске достали.

– У вас характер, – откликнулась грустная Нина. Чувство-
валось, что она сбилась с отлаженного тона и не хотела боль-
ше возвращаться к тому разговору, который так неловко пре-
рвался её неожиданным откровением, а Ветлицкий вспо-
мнил про позицию редактора «Енисея» и сказал, теперь уже
обращаясь к своей подруге:

– Всё равно шеф не пропустит моего трёпа.

– Почему?

– Ты же сама говорила, что он против из кого-либо делать
кумиров.

– Всё, Нина, пошли на площадь, пока последние ротозеи не разбежались и плёнка не кончилась.

– Ты что, разговор наш записывала?

– Ага, для истории... – И уже на крыльце столовой Светлана, покрутив колесики диктофона, сунула его к Ветлицкому: – Как вы относитесь, Андрей, к победе господина Орлова и чего ожидаете от новых людей в правительстве?

– От новых и ЖДУ нового, – неожиданно для себя дежурно ответил Ветлицкий, – тем более обстановка в стране не позволяет действовать по старинке.

– О, да вы не только в стихах разбираетесь, тогда коротко о себе...

– О себе? – растерялся Ветлицкий. – Я учитель – историк.

– Всё, плёнка кончилась! – Светлана засунула диктофон в сумочку. – Мы пошли, будешь в городе – заглядывай, а то прогуляйся с нами. Нина, возьмём доморощенного историка, тем более он такой находчивый... – и, помолчав, добавила: – ...в сложных жизненных ситуациях?

Нина протянула руку Андрею:

– Рада была познакомиться.

Ветлицкий картинно раскланялся и потом ещё долго смотрел им вслед. Кого-то ему эта Нина напоминала. «Нина, Нина Штурова, впервые слышу такую фамилию, – подумал невезучий поэт, – и Светка, тоже мне штучка, то на шею вешалась, а то... “Правда, Нина?” “Будешь в городе – заходи!” – передразнил он Куксову. – Буду, зайду». Но в городе Вет-

лицкому удалось побывать не скоро. Сначала в классе случилось ЧП: выяснилось, что кое-кто из мальчишек его класса ходит к одному старшекласснику и там пробуют курить травку. Потом на школьном вечере КВН бдительный классрук простыл, и пришлось лечь в постель. Изредка навевалась жена: ставила горчичники, варила обед и всё ждала чего-то, но Андрей думал только о Кире, как она пережила поражение своего мужа на выборах, впрочем, Кира не заставила себя долго ждать. Андрей ещё бюллетенил, когда в сенях стукнула дверь и вошла она, всё такая же красивая и почти неприступная. Не знай Ветлицкий вошедшую, можно было подумать, что такими земные женщины не бывают.

– Привет подпольщикам! – пошутила с порога Кира. – Ты куда исчез? Пока узнала о твоих злоключениях. Надеюсь, ты не считаешь, что это Левашов подослал ребят?

– Ничего я не считаю, нарвался и получил.

– Осуждаешь меня, что в больнице не засветилась? Была бы на сто процентов уверена, что не наши тебя мочили – пришла бы, а так... и тебе, и мне – одни неприятности.

Андрей отметил, что Кира проговорилась, и не сдержался:

– Значит, у тебя неприятности всё же были?

– Были, – вздохнула нестрогая дамочка, – но оставим это.

Лучше расскажи, как тебя угораздило заболеть?

– В школе простыл, на празднике песни и строя.

– Лихо маршировал?

– Почти угадала.

– Жалея твою молодую жизнь и зная, что заботиться особенно некому, захватила гуманитарную помощь, и не вздумай отказываться, – застрожилась Левашова, видя, как больной замахал руками. Он сидел на кровати, свесив ноги в домашних шлёпках, и вид имел далеко не геройский, а посему Кира заговорила с ним таким строгим тоном, как врач с пациентом. – Здесь лекарства, продукты. Я могу и денег тебе предложить, но ведь мы гордые, не возьмём, а съестное – это как передача в больницу.

– Или в тюрьму.

Такое высказывание снова напомнило обоим о прошлой драке.

– Вот же чертовщина какая, – скривила губы опростоволосившаяся женщина, – до сих пор себя виню, что позволила тебе засветиться. Да Радик кого хочешь выследит.

– Кто такой Радик?

– Левашовский начальник охраны.

– Сам начальник меня курировал?

– Почему тебя, они меня охраняли.

– Охраняли тебя, а досталось мне?

– Ты, Андрей, как маленький, всем досталось от Левашова. Ну не сердись, я на минуточку заскочила, уже бегу!

– Боишься, выследят?

– Нечего бояться, меня Алик в машине ждёт.

– Ну и дела, значит, муж, тогда беги и передавай привет.

– Не кривляйся, а выздоравливай и запомни: муж – он и

в Африке муж. Целоваться не будем, а то у тебя шторы нараспашку. Бывай!

Андрей ничего не успел возразить на это – Кира вышла, и только по свету фар снаружи Ветлицкий понял, что машина Левашовых развернулась и укатила, оставив рефлексирующего поэта в весьма растрёпанных чувствах.

15

Мирра Нестеровна встретила Ветлицкого доброжелательно. Кроме того, не забыла, что обещала помочь молодому дарованию с изданием книги. Она уже была наслышана о случившейся драке, но не стала донимать Андрея расспросами, а, мельком справившись о здоровье, стала знакомить со сложившейся ситуацией.

– Недавно я с Рамзиным виделась. Он до этого на заводе в Сосновоборске работал, а теперь его Орёл к себе первым замом переманил. Всеми деньгами Эльдар Аркадьевич распоряжается. – Мирра поднялась из-за секретарского стола, отошла к форточке и закурила.

– Рамзина я немного знаю, видел его однажды, – поспешил выказать свою осведомлённость Ветлицкий.

– Так вот, если вставит этот твой немножко знакомый человек нашу статью расходов в бюджет, то будут и командировочные, и презентации, а главное – книги, а если нет – пиши пропало. Набираю я нужный номер и слышу на другом

конце провода голос, таким громовым раскатом распекает кого-то. Понимаю, что не в мой адрес, ну и жму напрямую: «Секретарь Союза такая-то. У вас, – говорю, – там выражается кто-то или я, Эльдар Аркадьевич, не туда попала?» – «Туда-туда, что вам нужно?» Договорились о встрече без проводочек, и я заявляюсь почти тотчас в Совмин, у меня пропуск просрочен, но менты знакомы. Захожу к Рамзину, а он улыбается: «Это я электриков распекал. Извините, и ближе к делу». Башковитый он, этот Эльдар, согласился с моими доводами насчёт финансирования Союза. Вот и прикинь. – Председательница докурила сигаретку и заторопилась. – Мне ещё к археологам надо.

Андрей тоже заметил, что ему нужно увидаться со Старцевым, и в приподнятом настроении выскочил из апартаментов писательской организации, впрочем, встреча с Германом слегка поостудила пыл обнадёженного поэта.

– На ловца и зверь идёт, – раскинув руки, встретил друга на полпути к редакции «Енисея» его собкор. – Ты вчера телевизор смотрел, нашу студию?

– Телевизор, вчера? Не помню.

– Ха, не помнишь, значит, не смотрел, – оживился Старцев, – иначе бы помнил. Там в разделе хроники рейд показывали. Я сначала не вник, а потом глянул – менты руки мужику крутят, а тот кричит: «Посажу всех, сниму погоны! Я – племянник самого Орлова!» – Оказалось – Гриня Сапрыкин, пьян в доску. Сегодня утром ребят встречаю. Всё, Андрюша,

плакали наши денежки, теперь Григорий пока от блюстителей порядка откупится, много воды утечѣт.

– Почему так безбожно?

– Наоборот, по-божески. Он им после, когда телевизионщики уехали, говорит: «Развяжите руки, не убегу». Сняли с него наручники, а Сапрыкин – в драку, так что всё логично, да ещё за «племянника» придѣтся отдуваться, если не хочет, чтобы Орлов на него наехал: тоже, нашѣлся родственничек.

– Вряд ли станет Алексей Иванович с ним связываться. Простит в честь вступления в должность новоявленного «Отрепьева».

– Значит, так, Андрей, сам понимаешь, что плакали наши денежки. Рукопись можешь пока засунуть подальше или самостоятельно ищи пенсы, не надеясь на Гришу Сапрыкина.

– Не рано ли пасуем?

– Нисколечко, ты сейчас куда путь держишь?

– Да вот к тебе шѣл, а теперь, может, в книжный магазин зайду. Не составишь компанию?

В магазине Герман с неудовольствием покопался в книгах:

– Мура вселенская.

– Наши лучше были бы?

– А что, при нынешней-то полиграфии, пожалуй, не хуже, чем у тех, кто из себя небожителей корчит. – И снисходительно пощѣлkal пальцем по корешкам поэтических сборников. Ветлицкий только хмыкнул, а про себя решил, что его новый товарищ просто бахвалится.

Принимая местный бюджет, депутаты рассорились – нестыковка получалась солидной. Андрей с тоской следил за их спорами по ТВ. «Не утвердят писательскую заявку, – думал он. – Кроме нас ещё художникам и театру надо». Недавно Магда рассказывала, что на приглашённого режиссёра уйму денег потратили, а выручка от спектакля – пшик. Короче, дотации нужны всем, и чего бы Рамзин ни обещал, но в конечном итоге писателям достались крохи.

Когда Ветлицкий заглянул в Союз, то в прихожей, у стола, где сидела Фаинка, сгрудились трое молодых парней. Они с удовольствием заигрывали с хорошенькой секретаршей и, завидев Андрея, недовольно покосились на вошедшего.

– Начальство у себя, проходи! – сказал один из них, высокий, в чёрном пальто. Чувствовалось, что ребята нездешние. Ветлицкий зашёл в кабинет к Мирре. Та сердито спорила с Василием Степановичем, но, видать, спор подходил к концу.

– Сдадим приезжим ваш кабинет, и это моё последнее слово.

– Помилуйте, голубушка, там документация, телефон.

– Не сдадим – всё равно за неуплату обрежут, а так ребята готовы и за связь платить.

Василий Степанович махнул рукой:

– По мне, так всё по ветру пустите! – и вышел из кабинета.

– Обиделся старикан, – кивнула Мирра, – бизнесменам из Красногорска боковушку в аренду сдаём под офис «Рога и копыта», так что придётся слегка потесниться ради общего дела. Посиди, я к ним выйду.

Андрей понимающе кивнул. Думая о своём, он плохо улавливал через полуоткрытую дверь суть разговора, но в конце беседы один из гостей сказал:

– Замок новый врежем, и ключей всем хватит.

– Или к нашему парочку дубликатов изготовим, – уточнила Мирра.

– Можно и так, значит, до понедельника. – И незнакомцы стали прощаться.

– Потихонечку ужимаемся, – вздохнула, возвратившись, глава писательской организации. – Прежде этих апартаментов казалось мало, а теперь комнатухи внаём сдаём. Эх, неплохо бы тебе, Ветлицкий, напечататься самостоятельно. В члены приём по первой книжке устроим, у меня связи в Москве остались. Жаль, что Влад на Союз не вытягивает, а ломать – упрямый, и ещё одно, как сказал бы классик: «А деньги где?» – так что уходим в свободное плавание.

Разговор с Миррой явно не получался, и прежде чем уйти из Союза, Андрей мучительно соображал: куда податься? В редакцию «Енисея» – не улыбалось: после того как Солодовников объявил его едва ли не персоной нон грата, Ветлицкий стал замечать на себе косые взгляды редакционных сотрудников. Конечно, «стихоплёт» понимал, что пора пере-

ходить от простых публикаций к чему-то большему, вот если бы сборник издать...

Бесцельно слоняясь по городу, Андрей постигал, что если он не найдёт возможности достать денег, то так и останется до конца своих дней мальчиком, подающим надежды. Даже Кира к нему, кажется, не вполне серьёзно относится, а ведь поначалу Ветлицкому казалось, что между ними нечто такое... Ему нравилось чувствовать на себе взгляды завистливых свидетелей их беспечной связи, но постепенно пришло понимание, что всё это просто ширма, за которой у обоих ничего нет. Из прежних друзей осталась одна Светлана. Она по-прежнему с завидным упрямством носилась с его стихами, а также разрывалась между дочерью и газетой.

Вспомнив про Куксову, Ветлицкий зашёл на почтамт с намерением поговорить со своим верным оруженосцем по телефону, хотя и Светлана с появлением Штуровой вроде бы стала отбиваться от рук. В редакции подняли трубку, но это был кто-то иной. Андрею не хотелось называть себя, и он вежливо попросил, чтобы пригласили Куксову.

– А со мной не хочешь поговорить? – чуть ли не издевательски спросила неузнанная собеседница.

– Кира? – наугад произнёс любимец женщин.

– Почти. Так о чём ты, милый?

– Брось дурачиться. Это я – Ветлицкий.

– Вот беда-то, не узнаёшь? Магдалена с тобой беседует.

– Ну, озадачила, а чего у тебя голос такой, девчоночий?

Молодеешь?

– Спасибо за комплимент.

– На здоровье.

– О, узнаю, моя школа. Не случайно шеф стал тебя придерживать.

– Конечно, до тебя ему не добраться. Высоко летаешь.

– Не выше некоторых.

– Слушай, Магда, – Андрею пришла интересная мысль, – что, Орлов разобрался с хозяйством? Вчера, выступая по телевизору, о каких-то долгах говорил, вроде их Комов успел наделать?

– Ты, я вижу, не только в поэзии разбираешься, только это не телефонный трёп, вовсе не телефонный.

– Где же мне с тобой встретиться?

– Вот пристал: я сегодня до трёх работаю, а потом презентация с половины пятого. Приходи в забегаловку возле редакции, угостишь кофейком, посекретничаем.

– О чём речь, бегу. – Ветлицкий прикинул свои возможности – расходы не бог весть какие, тем более если не увлечься, то на кофе хватит, и с нетерпением посмотрел на часы.

На свидание с Магдой новоявленный разведчик появился в три, но Сунцова уже сидела за крайним столиком. Завидев Андрея, отхлебнула из чашечки и сказала:

– Тебе тоже сейчас принесут, присаживайся.

– Так вроде бы я за тобой ухаживаю? – смутился Ветлиц-

кий.

– Не страдай, сочтёмся. Гонорар за стихи отхватишь, тогда и бабки подбивать станем. Рукопись-то готова или всё по девчонкам бегаешь?

– Шутишь, как всегда?

– Почему, серьёзно. Так о чём секретничать станем?

Принесли кофе, и Андрей заказал шоколадку.

– Смотри-ка, разговор на сто тысяч тянет, – удивилась Сунцова.

– Просто мне с тобой интересно, Магда.

– Ох и льстец ты, Ветлицкий. Так чего, старче, нужно?

– Да хотел понять, о чём Алексей Иванович говорил, выступая по ТВ?

– А чего он такого наговорил? У меня телевизор смотреть времени не хватает.

Андрей задумал сходить к Орлову, попросить денег на сборник, но посвящать собеседницу в такие планы пока не спешил, а просто хотелось прощупать почву на предмет финансовой самостоятельности нового управленца.

– Векселя какие-то от предшественников нашлись. Говорят всё в республике продано. Теперь власть боится, что платить придётся.

– Векселя, платёжки... Комов действительно подписал кой-какие бумаги, а для чего тебе это?

– Старшеклассники интересуются, – извернулся Андрей, – я же толком объяснить не могу.

– Ты, учитель, скажи мне лучше, о чём с Германом по углам шушукаетесь?

– С Германом? Просто он стихи пишет и я...

– И Светлана Куксова?

– И Светлана – тоже.

– Так ты ей по этому поводу звонил нынче?

– Угадала. Не пойму только, как на твой аппарат попал?

– В номерах цифры схожие, у неё последняя – двойка, а у меня – тройка. Случается – ошибаются.

– Теперь буду внимательней.

– Ох ты и пронира, Ветлицкий. Сознайся – фамилия у тебя не того. – «Далась ей эта фамилия», – подумал Андрей, но сдержался, всё-таки не терял надежды прощупать почву насчёт Орлова, только Магда упорно не желала распространяться о том, что ей было известно, а может, просто не понимала, куда клонит сосед по столику.

– Слушай, Магда, и что Алексей Иванович?

– А чего? Портфели распределил среди тех, кто его сторону принял, а кто нет – баллотируются в депутаты.

– Комов – тоже?

– У того квартира в Москве, и расчёт получил приличный, а насчёт векселей, Ветлицкий, не лез бы ты не в свои сани. Там дело тёмное, они вроде есть, а возможно, и блеф всё это. Орлов такие бумаги у себя не держит. – Магда глянула на часы: – О-о, почти час с тобой проболтали, бегу, ты же не рыпайся!

Магдалена ушла, а Ветлицкий ещё посидел немного, допил кофе, догрыз шоколадку и, глядя в окно, на сгустившийся к вечеру поток пешеходов, подумал с горечью: «Вот живут же люди, ничего им такого не надо: купил полкило колбасы – доволен, новую резину для “жигулей” – ещё лучше», – хотя и ему нужны были сухие крохи в масштабах области для издания первой книжки, а поди достань. Без Орлова не обойтись. Значит, нужно как-то ломать себя и идти кланяться в ножки новому председателю правительства.

17

В Белом доме Ветлицкий успел дошагать лишь до лестницы, ведущей на второй этаж. Вежливый милиционер спросил:

– Вам к кому?

– К Орлову.

– Нужно пропуск заказывать.

– У кого? – растерялся Андрей.

– Позвоните в приёмную и согласуйте, если так необходимо.

– А где у вас телефон?

– В углу, за колонной.

Возле указанного телефона толпились какие-то личности. Ветлицкий смутился: он представил, как будет объяснять секретарше Орлова, зачем ему нужно к шефу.

А очередь у аппарата не уменьшалась. Андрей издали наблюдал, как одни уходили, другие прибывали вновь и каждый, как показалось просителю, с интересом прислушивался к тому, о чём названивают впереди стоящие. Нет, Андрей так не сможет. Махнув рукой на такие порядки, он решил попробовать выйти на Алексея Ивановича через писательскую председательницу и уже направился к выходу, когда в фойе столкнулся с мужчиной, который был в орловской свите у них в Отрадном. Столкнулся и неожиданно поздоровался. Мужчина остановился:

– Привет, но я тебя не припоминаю.

– Я Ветлицкий, – чуть ли не как те, кто звонил по справочному телефону, представился Андрей и тут же сам на себя разозлился за подобное малодушие. – Друг Орлова! Не вспомнили?

– Ха-ха-ха? Друг! Ну как же, ты от Алексея идёшь?

– Да нет, к нему, только ваши дальше первой ступеньки не пускают.

– Понятно, пошли!

– А вас пропустят? – решил сострить на радостях Ветлицкий.

– Да ты брось ваньку валять! Я – Рамзин, теперь у Алексея в первых замах числюсь, или телевизор не смотришь?

– Не смотрю, – соврал Андрей, хотя сразу сообразил, что именно про этого помощника рассказывала ему Мирра Нестеровна.

– Со мной! – бросил милиционеру его попутчик, и они пошли на второй этаж. Пока поднимались, Андрей отметил, что на широкой мраморной лестнице постелены ковровые дорожки, «как в кино». Вообще-то он полагал, что их стелют лишь в исключительных случаях.

Из своего кабинета Эльдар Аркадьевич позвонил шефу.

– Сам к нему пойдёшь или его сюда пригласить? – усмехнувшись, поинтересовался Рамзин.

– Сам, сам! – растерялся Андрей, запоздало домыслив, что деньги выпрашивать было бы верней в присутствии все-сильного помощника, у которого вроде вполне располагающее настроение, но слово не воробей, и Рамзин, не кладя трубку, кивнул на дверь:

– Двигай, да побыстрей. Двести первый, налево.

Ветлицкий, вовремя вспомнив угодливую очередь у телефона, не стал раскланиваться, а просто сказал: «Спасибо!» – и вышел. Секретарша первого зама недоумённо посмотрела вслед неучтивому посетителю и только покачала головой. Орлов же встретил Андрея, как и подобает старому ну если не другу, то по крайней мере знакомому. Долго рассусоливать не стал, вскользь спросив про Отрадное, на что проситель заметил: «Всё нормально» – ему не хотелось расписывать трудности, которых и в посёлке, и в школе было более чем достаточно.

– Говоришь, книгу дописываешь?

– Рукопись готова.

– Если память не изменяет – стихи?

– Да, стихи.

– Может, чаю хочешь? – спросил Орлов. – Хотя мне чаи сейчас распивать не время. Ты вот что, Андрей, возьми в Союзе писателей отношение или письмо, я не знаю, как это называется, и отдай Эльдару, а он выйдет с ходатайством на нашу контору, потому что денег на издательскую деятельность мы выделили в обрез, но, думаю, сборник стихов – не «Война и мир».

– И даже не «Воскресение». – Ветлицкий достал из портфельчика тонкую рукопись и протянул Орлову. Тот повертел её, полистал и кивнул утвердительно:

– Со сборником мы постараемся. Сам понимаешь: у бабок не оторвёшь и от детских пособий – тоже, но что-нибудь придумаем. Может, по векселям, которые от прошлых властей остались...

– А что, Алексей Иванович, правда, Комов много чего в ценные бумаги перевёл?

– Не очень ещё разобрался, но думаю, что дыма без огня не бывает. Нашли кое-что.

– Мне Сунцова про это рассказывала.

– Журналистка из «Енисея»?

– Ага, Магдалена.

– С такими ухо надо держать востро.

– Да, Алексей Иванович, я о чём спросить хотел, – осмелел, окрылённый обещаниями, Ветлицкий, – вам и правда

их прятать приходится?

– Кого – их? – На лицо председателя набежала лёгкая тень неудовольствия и Андрей понял, что залез не туда, но остановиться с ходу не мог.

– Векселя эти комовские?

– Всё, господин литератор, заболтались мы с тобой, вот и Рамзин уже топает. Держи свою писанину.

Ветлицкий спрятал в портфель бумаги, когда в кабинет ввалился тот самый помощник, который помог молодому человеку попасть к Орлову.

– Я за тобой, Алексей!

– Собираюсь, – тоже поднялся Алексей Иванович и протянул собеседнику руку. – Значит, будь здоров, позвонишь мне этак неделки через две. Утрясём с Эльдаром Аркадьевичем твою проблему.

Андрей выскочил из кабинета как на крыльях. Сравнение это было затёртым до невозможности, но другого в голову не приходило. Хотелось петь, подпрыгивать. Он намыркивал себе под нос нечто лирическое, размахивая портфелем, и, уже спускаясь с последнего лестничного пролёта, едва не столкнулся с Магдой. Та испуганно шарахнулась в сторону, и Ветлицкий бездумно пронёсся мимо, только внизу сообразив, что это не кто иной, как Сунцова, но возвращаться не стал, а просто помахал ей рукой:

– Привет корифеям!

– Привет, привет. – Магдалена посмотрела на ликующего

поэта недоумённо и, тряхнув «комсомольской» причёской, стала уверенно подниматься по лестнице.

18

По тому, что в доме горел свет, Андрей догадался – пришла жена, только у неё были ключи от входной двери, и то, что она, несмотря на разлад, изредка навещалась, слегка смущая при этом бывшего мужа, теперь же показалось последнему едва ли не счастливым предзнаменованием благополучного конца его невезухе.

По натуре большой сибарит, Ветлицкий не мог не переживать семейного разлада, хотя относился к уходу жены терпимо, знал, что та никуда не денется, тем более ему было неловко перед Людмилой за своё безденежье.

Войдя в дом, везунчик сразу уловил аппетитные запахи, что доносились из кухни. Людмила вышла в прихожую:

– Разувайся здесь, я к тебе с обновой.

В комнате, на полу, был расстелен новёхонький палас.

– Вот купила с зарплаты, надоело на старые половики смотреть.

– С этим тоже намаешься, вычищая.

– А чего здесь маяться, пропылесосил – и дело с концом.

Андрей с удивлением взирал на то, как преобразился вид его замурзанного жилья, да и жена смотрелась на фоне такой гармонии совсем по-иному, а может, он просто отвык от неё

за эти дни? Отвык и соскучился.

– Тащила такую тяжесть, – пожалел Ветлицкий свою заботливую супругу и тоже похвастался: – А я сегодня у Орлова был насчёт книги.

– Дописал-таки?

– Закончил.

– Видишь, как на тебя наш развод подействовал. Не случись подобной оказии, до сих пор бы мучился в поисках вдохновения.

Андрей понял намёк Людмилы, но ему не хотелось сейчас заводитьсь, и неверный муж пропустил мимо ушей её справедливое замечание.

За ужином Ветлицкий стал расписывать в красках, как он познакомился с Рамзиным и попал на приём к Орлову.

– Алексей Иванович, – бубнил с полным ртом находчивый литератор, – мне сказал: «Издадим, Андрей, обязательно», – мол, писатели – народное достояние, представляешь?

– Ты жуй получше, подавишься.

– Не бойсь, такой вкуснятиной не подавишься.

– Спасибо, наконец-то заметил. – Жена потупила взгляд, и Ветлицкий молча обнял её за худенькие плечи, покорную и похожую на примерную школьницу, и тут вроде бы машина у ворот заурчала. Может, показалось, а если Кира опять пожаловала? У Андрея заныло сердце – впервые не хотелось видеть свою заполошную любовницу.

В сенцах зашумели, опрокинув пустое ведро, кто-то на-

шаривал дверную ручку. Жена вопросительно посмотрела на Ветлицкого и не успела ничего сказать – в квартиру ввалились трое, все в униформе городской шпаны: джинсы, кожаные курточки и чёрные вязаные шапчонки, надвинутые до бровей. Увидев супругов, слегка замешкались, но из сеней подоспел четвёртый. Он-то и спросил, чуть прищёпывая:

– Дома фраер?

– Да он с тёлкой, Радик.

«Радик», – Андрею вспомнились слова Киры о левашовском начальнике охраны. Неужели тот самый, который в сквере его накрыл? А сейчас чего ему надо? Может, думал опять Левашову здесь приловить? И, желая быстрее разубедить охранников, хозяин дома шагнул вперёд и сказал примиряюще:

– Это, ребята, моя жена.

«Ребята» переглянулись, но тот, кого неосторожно назвали Радиком, сразу сообразил, что Ветлицкий их расшифровал. Собообразил и резко толкнул Андрея назад, успев заодно кивнуть одному из непрошенных гостей:

– Выйди к машине.

Парень ушёл. Стоящий ближе всех к двери так и остался её караулить, а Радик вместе с Квадратным – Андрей сразу так окрестил про себя низкорослого и широкоплечего парня – прошли в комнату. Там Ветлицкий пригласил всех садиться и сам устроился возле жены, на диване.

– Вот и хорошо, – сказал Радик, – вижу ты кент с поняти-

ем, поэтому долго базарить не будем.

– Да что вы, ребята, если чем могу быть полезен.

– Вот именно – чем? Ты сегодня наверху был?

– Наверху?

– У Орлова.

– Конечно, только я по делу ходил.

– Ты, выходит, по делу, а мы к тебе – в гости?

– Не знаю.

– Не знаешь и не догадываешься?

Андрею не понравился этот вкрадчивый, слегка прищёп-
тывающий говорок. Слышалось в нём скрытое нетерпение,
даже угроза, хотя вечерний гость до поры до времени не хо-
тел злить хозяина.

– А чего тут гадать, пришли – так спрашивайте, только
если насчёт кого-нибудь, сами видите – я с женой, – и кив-
нул на Людмилу. Ветлицкий всё ещё подозревал, что лева-
шовские костоломы идут по ложному следу, вынюхивая же-
ну хозяина.

– Значит, крутишься и мозги нам пудришь? – неожиданно
сменил тон Радик. – По какому такому делу ты Орла навещал
и чего он тебе отдал?

– А чего он мне отдать может? Я ему рукопись стихов при-
носил.

– Стихи – нехило, а бумаги какие он тебе передавал?

– Зря мы с ним вату катаем, всё равно по-хорошему не
столкуемся, – заметил Квадратный.

– Да что вы, ребята, никаких бумаг, только рукопись. Полистал и вернул, обещал проплатить книгу.

Радик недобро усмехнулся и подмигнул своему подручному:

– А ну-ка, Серый, потревожь его бабу, может, тогда он сговорчивей будет.

Андрей хотел сказать, чтоб ребята при женщине не хамили, но вспомнил, что им известны его отношения с Кирой, и смолчал, а Квадратный, он же Серый, вразвалочку подошёл к Людмиле и одним движением опрокинул её на диван, задирая лёгонький сарафанчик. Люда охнула и неловко выставила вперёд обе руки:

– Не надо!

– А кто говорит, что надо? – отступил парень. – И я о том же, а мужик твой – против. Молчит, скотина.

– Ты молчишь, паскуда! – И Серый ударил Андрея неожиданно сильно в нос. Из глаз брызнули искры, кровь потекла по подбородку. Люда пронзительно вскрикнула и тут же смолкла. Левашовский охранник ей врезал тыльной стороной ладони и молниеносно закрутил подол у горла.

– Заткнись! Где бумаги спрятали?

– М-м-м... – Ветлицкий пытался что-то сказать, но лишь мычал.

– Зря ты, Серый, поэта бьёшь. У него конституция нервная. Он и сам всё выложит. Где бумаги?

– Рукопись в портфеле.

– На хрена нам стихи, документы где, что Орёл передал спрятать?

– Только рукопись – «Дождь вдвоём».

– Издеваешься? Серый, начинай! – И Андрей с ужасом увидел, как тот самый парень, который держал Люду с закрученным у горла подолом халата, одним движением, только чуть пригнувшись, сорвал с неё плавочки. – Где бумаги?

И тогда Ветлицкий бросился, но не на низкорослого садиста, а на главного бандюгана, правильно рассчитав, что Серый отпустит Людмилу и поспешит старшему на выручку. Откинувшись назад и спружинив телом от диванной спинки, Андрей изо всех сил толкнул Радика. Тот лишь руками успел взмахнуть и боднул угол русской печки. Боднул и стал валиться на пол. Ни секунды не медля, хозяин квартиры с левой двинул Серого по загривку, но промахнулся, задев кулаком перекрестье рамы. Стекло зазвенело, посыпались осколки, и тут снова закричала Люда. Парень, карауливший дверь, заметался, а со двора заскочил четвёртый, что стоял на стрёме.

– Вы, суки, весь посёлок поднимете! У них соседи за стенкой не спят!

– А, чёрт, уходим! – И Квадратный ударил Андрея в грудь чем-то острым. Дальше сознание испуганного и почти убитого поэта отказалось что-либо воспринимать, чуть позднее, правда, до него донеслось, как один из налётчиков произнёс:

– Радикау конец, на хрена нам труп? Зажигай! И бумаги

сгорят со всеми.

И ещё Ветлицкий успел подумать, что никто, кроме Сунцовой и Рамзина, из знакомых не знал, что он был у Орлова, но и об этих двоих вспомнилось безо всякой злости, да о рукописи пожалел, теряясь в тягучем небытии.

Часть 2. Формула одиночества

1

То, как сознание возвращалось к Андрею, чем-то напоминало появление солнца: в сплошной черноте неба сначала чуть-чуть забрезжило, потом бесплотное пятно с того края, откуда положено ждать восхода, потеплело, наполняясь живым, розоватым светом, прошло какое-то время – и вот уже тьма окончательно отступила под напором грядущего дня. Он приоткрыл глаза!

– Ах, как славно, давно пора. Итак, молодой человек, мы смотрим, мы видим, зрачок реагирует на свет.

Белый потолок палаты, чуть в стороне никелированный штوك со склянкой, опрокинутой горлышком вниз, а от неё, как венозная жилка, голубоватая трубка. «Значит, я жив, – соображал Ветлицкий, – верней, в порядке только зрение и сознание, да ещё слух».

– М-м-м...

– Спокойно, больной, вам нельзя разговаривать. У вас всё в норме: руки, ноги и даже внутренности.

«Брр-р... Говорит, как мясник: "...целы внутренности"».

– Он, наверное, пить хочет?

– Ну, посмотрим, посмотрим...

2

Ресторан «Золотой сон» открывался без лишней помпезности. Его затянутые узорчатыми решётками окна смотрели прямо на редакцию «Енисея».

– Кто из наших туда идёт? – спросила Сунцова заглянувшего к ней Старцева.

– Ресторан – это бытовуха, по части Кукусовой, только, может, Солодовников самолично изволит засвидетельствовать своё почтение.

– Вряд ли. Да зачем ему теперь пресмыкаться перед денежными мешками, если зампред сегодня сказал, что берёт «Енисей» под крылышко правительства.

– Опять шеф усидел в кресле?

– Ещё не ясно, но скорей всего – да! Он к Рамзину на приём ходил, а через день выяснилось, что совминовский вестник сливают с нашей газетой и, конечно, под началом Ивана Петровича.

– Ты всегда в курсе, Магда.

– Должность обязывает, сам понимаешь.

– Понимаю. Смотри, какие буквы привинчивают. – Герман выглянул в окно. В это время в кабинет зашла Кукусова.

– Привет заговорщикам, что вы там высматриваете?

– Да вот гадаем, как ресторан называться будет, – ответила

Сунцова.

– С первым словом сомнения нет – «Золотой...» или «Золотая...» – чуть не пальцем на стекле вывел Старцев. – У новых русских всё золотое.

– Можете расслабиться, – засмеялась Светлана, – «Золотой сон».

– Почти как у Апулея «Золотой осёл», – закуривая, процедила сквозь зубы Магдалена.

– Думаешь, они Апулея читали?

– Не все же на одну колодку деланы. Вот взять хотя бы нашу Кирочку, той ни в уме, ни в начитанности не откажешь, – не спеша выпуская струйку дыма из язвительно поджатых тонких губ, всё в той же манере возразила опытная журналистка.

– Кире не откажу, но... – Герман поднял палец.

– Хочешь сказать – таких единицы, а я по своему выпуску сужу – набрали нас на спецкурс целую группу. Одних языков иностранных – целых три учили, вроде бы на Кубу готовили, и не только Сервантесом в подлиннике стращали, но и Санчесом Кастро мозги запудривали.

– Наверное, этот Санчес родственник Фиделю Кастро? – предположил Герман.

– Если и так, то, скорее всего, очень далёкий, – усмехнулась Сунцова, – не в этом дело. Учили нас хорошо, и дух вольности был не чужд, хотя выпустили мы однажды стенную газетку, где усомнились в том, что визит Никиты Серге-

евича на берега Волги помог выиграть Сталинградскую битву. Нагрязнула комиссия, и троих отчислили, а остальные нашли-таки себе место под солнцем.

– Насколько я понимаю, ты в их ряды не попала? – простодушно заметила Куксова.

– Я из тех, которую выгнали, пришлось потом заочно доучиваться на педфаке. – Скорей всего, несостоявшаяся новая русская продолжила бы свою лекцию, если бы не Светлана, которая ткнула пальцем в окно:

– Магда, смотри!

У крыльца ещё не открывшегося ресторана молодой человек в чёрной куртке и надвинутой на глаза лыжной вязаной шапочке выцеливал пистолетом мечущегося между автомашинами мужчину. Наконец раздались выстрелы и последний упал, а киллер побежал в сторону городского сквера.

– Семён, Семён, – Сунцова схватилась за телефон, – бери камеру и дуй к ресторану, там с кем-то счёты сводят, – и, не кладя трубку, крикнула Куксовой: – Забеги за фотографом, а то наш Семён никак не сориентируется, а я – сейчас!

В это время из притормозившего милицейского уазика выскочили двое и открыли стрельбу по убежавшему. Уже покидая кабинет, Светлана краем глаза заметила, как бандит шлёпнулся на бетонку возле коммерческого ларька...

Андрея разбудили тревожные голоса. Он открыл глаза и увидел при тусклом свете больничной лампочки, как в палату вкатили больного. Пока его перекладывали с каталки на кровать, невезучий учитель тупо соображал, что новенькому чего-то недостаёт, но собственная боль в груди мешала сосредоточиться, и Ветлицкий, кажется, застонал, потому что одна из медичек повернулась к нему:

– А этот всё бредит?

– Введите ему... – кто-то произнёс название замысловатого препарата. – Да когда здесь свет будет в норме?

– Денег на лампочки не дают, вот завхоз и выкручивается.

– На лампочки – не дают, а охрану поставили круглосуточную. – В голосе говорившего чувствовалось раздражение, и Андрей предположил, что охраняют, скорее всего, его, а что стало с женой Людмилой и с тем парнем, который упал возле печки?

Медсестра сделала Ветлицкому инъекцию, поправила простыню на вновь прибывшем, и все ушли, плотно захлопнув створки дверей в палате, но снаружи кто-то сразу их открыл, словно боясь, чтоб лежащие куда не удрапали... и вдруг до Андрея дошло – у его соседа нет ног. Может, под состав угодил железнодорожный или в автокатастрофу попал? Как теперь ему жить, калеке? «Ты о себе подумай, – словно

кто-то со стороны подбросил Ветлицкому мыслишку, о чём подумать, – неизвестно, чем для тебя всё кончится...»

4

В городской квартире Левашовых царил настоящий бедлам. Муж неистовствовал, а Кира, наблюдая со стороны, время от времени интересовалась:

– Ты, случайно, не клад ищешь?

– Случайно... да!

– Брось психовать, отбываешь по-тихому – и на здоровье. Кто просил тебя не в своё дело лезть? Теперь мандраж бьёт. Скажи спасибо, что следки с тебя подписку о невыезде взять забыли, а то уехал бы.

– Не взяли, потому что не знают, кто руку ко всему приложил? Помогли ребята раскрутить твоего сопляка.

– Сопляк, а Радика приложил и теперь молись, чтобы того не опознали.

– Он обгорел, говорят, порядочно?

– Всё равно могут поинтересоваться – «где ваш начальник охраны?»»

– Ну, какой начальник, просто телохранитель. – Левашов взглянул на часы, но нервозность мужа передалась и Кире.

– С Радиком пронесёт, Серый останется...

– Сам виноват, что влип, но тот почти не мелькал на публике.

– На авось надеешься, а вдруг докопаются, и шеф сбежал.

– Не сбегаю я, Рамзин в курсе.

Наконец Левашов извлёк из-под стопки журналов несколько листов бумаги.

– Вот они, документы пушкинские, жаль ребят: Радика и Серого.

– Говорят – его охраняют в больнице?

– Будем надеяться, что подохнет. И ведь надо же, то мента днём с огнём не сыщешь, а тут – как по заказу. Надрочил их Орлов.

– Можно и без приколов?

– Запросто, если всё утрясётся, к лету вернусь, а пока халю своему кланяйся.

– Полагаешь – скучать без тебя будет?

– Если выживет – обязательно. Они без сильной руки, как псы, скучают! Да, вот ещё что, оставляю тебе доверенность распоряжаться нашей недвижимостью, мало ли что случится...

– Ты же вернёшься?

– Вернусь, но с хоромами лучше раздайся. – Альберт обвёл рукою свою городскую квартиру. – Вернусь, восстановимся.

После ухода мужа Кира молча оглядела растревоженное жильё, потом стала двигать мебель, прибирать к месту книги и, кажется, даже всплакнула. «Съезжу к маме за сыном, и катись этот Левашов куда подальше. Распустил шпану».

Вспомнив про телохранителей, Кира подумала о Ветлицком, давно ли она жалела его – одинокого, и вот у неё почти то же: муж в бегах; правда, фирма ещё работает, но уже всем ясно, что Левашов просчитался. Впрочем, ещё ничего не потеряно и рано ставить на себе крест. Поразмыслив таким образом, одинокая женщина успокоилась и ещё усердней принялась за уборку квартиры.

5

Про случившееся в Отрадном Мирра Нестеровна узнала случайно. Её тайное увлечение – Виктор Блинов, капитан в отставке, бывший десантник, а нынче просто Виконт, председатель Фонда инвалидов войны Афгана, заехал за своей пассией в Союз писателей через день после того, как Ветлицкий оказался в больнице.

Статный красавец Блинов слегка походил на улыбчивого цыгана, скорее всего потому, что нечто хищное проскальзывало в чертах его правильного лица, полублатной манере держаться, тяге весело проводить время, и всё-таки с Миррой он познакомился на похоронах одного из своих друзей, которого привезли в «цинке» уже с другой, чеченской войны. Тот парень в мирной жизни увлекался поэзией, подавал надежды. Председательница писательского Союза читала стихи погибшего, и многие плакали. Даже у Блинова, прошедшего огонь и воду, защемило сердце. Поэтесса покорила

афганца прежде всего своей твёрдостью духа, с того скорбного дня они и стали встречаться.

– Далеко едем? – спросила, усаживаясь на переднее сиденье, женщина.

– Сегодня близко, а ты торопишься?

– Да нет, почти как в песне, спешить мне некуда.

В квартире, куда они поднялись, Мирра ещё не была ни разу: чистенькие комнатухи, вроде бы всё на месте, а впечатление – нежилые.

– Мы что, опять в какой-то отстойник попали? Здесь, кажется, уже год никто не живёт?

– С чего ты взяла?

– Холодильник пуст, как в плохой гостинице.

– Почему как в плохой?

– Вот заладил. Да потому, что кончается на «у». В ванной-то мыло хотя бы найдётся?

– Ты же не доктор перед клиентом, чтобы руки мыть, – пошутил Блинов.

– Хоть и не доктор, а приёмные дни и у меня бывают. Например – завтра опять мальчишки придут, стихи читать будут. Смешной народ эти самодельные поэты. У каждого свой бзик: Влад Булгабин, который с радио, под юродивого косит, помнишь?

– Знаю, шизик, скорей всего.

– Тоже скажешь, или Ветлицкий, школьный учитель.

– Тот, который тебе в рот заглядывает?

– Ревнуешь?

– А чего мне ревновать, пусть сначала выживет, тогда посмотрим.

Мирра побледнела, и Блинов понял, что зря он ляпнул своей дамочке про её подопечного, но дело уже было сделано.

– Что за шуточки идиотские?

– Почему шуточки, – невозмутимо произнёс бывший афганец, которого не так-то просто было сбить с толку. – Говорят ему крепко досталось: бандюганы наехали, подожгли квартиру, но соседи за стеной кипеж подняли.

– Ну а дальше? Да и с чего бы наезжать на Ветлицкого-то?

– Не знаю, парня спасли, а жена...

– Сгорела?

– Не сгорела, а задохнулась, премиленькая девчонка, ребята вчера рассказывали. Хватит об этом; иди мой свои ручки – и баиньки.

Мира упрямо сжала губы, всё ещё не в силах переварить услышанное, и поэтому, когда нетерпеливый любовник ещё раз напомнил о постели, зло спросила:

– Ты что, не выспался?

– Да тебя, как девочку, уговаривать надо? Шоколадку хочешь?

– Пошёл ты со своим шоколадом куда... поближе. Почему такая несправедливость, он и мухи-то не обидит. «Дождь вдвоём».

– Что за дождь? На дворе зима.

– Рукопись стихов так называется. Я ему недавно в деньгах отказала.

– На других бочку катишь, а сама: мне – сегодня, ему – вчера... отказала. Далеко пойдёшь, если менты не остановят.

– Сам не сядь со своими ребятами и делами.

– За меня не бойся.

– Не гримасничай. Всё, поехали!

– Куда ехать-то, хотя понимают, но твой приятель в реанимации. Вот завтра у братвы узнаю, что к чему, тогда и будем дёргаться. Вполне возможно, что даже деньгами смогу помочь твоему погорельцу...

– Знаешь, Виктор, мне не нравятся твои деньги.

– Мои не нравятся, а у всякой шпаны клянчить можешь?

Мирра устало привалилась к стене:

– И не только деньги, но и квартиры эти. Я пойду, пожалуй. – Но Блинов, вовсе не желая так просто отступить, шагнул навстречу женщине, и в глазах его заплясали не то злые, не то весёлые огоньки.

– Я убью тебя когда-нибудь за всё хорошее, и вообще, хватит на мне тренировать своё словоблудие.

Мирра сначала сопротивлялась, не в силах забыть про то, о чём только что поведал афганец, но очень быстро сдалась, словно бы испугавшись сумасшедшего блиновского взгляда. Она не выдержала и зажмурилась, хотя даже это не избавило строптивую любовницу от желания вырваться и куда-нибудь

убежать.

6

– Итак, молодой человек, посмотрим: шов нормален, дренаж в порядке. Трубочка не мешает? Ничего, заживёт до свадьбы, а что слабость – это вы надышались какой-то гадости. Сейчас химия всюду: синтетика, полимеры, но дело вполне поправимое. Выздоровливайте, больной.

После утреннего обхода Андрей впервые внимательно посмотрел на своего соседа. Кого-то напоминал ему профиль лежащего в двух шагах на больничной койке парня. Где Ветлицкий мог видеть эту физиономию?

Размышления прервали медички, которые вкатили в палату незнакомый аппарат, состоящий из металла и трубочек, цилиндров и прочих технических приспособлений. Вкатили и стали колдовать у койки соседа. Ветлицкий закрыл глаза, а когда их снова открыл, то заметил в дверях омовца. «Неужели меня охраняют? – подумал поэт-неудачник. – Крепко, видать, Левашов за поиск бумаг принялся, а может, бумаги здесь ни при чём и главное – виновата Кира».

7

На работу, в редакцию «Енисея», Левашова шла неохот-

но. Ещё вчера ей казалось, что она и люди, её окружающие, разведены друг от друга на порядочное расстояние, а сегодня Кира почти сравнялась с той же Куксовой или Сунцовой.

Впрочем, Светлана встретила коллегу во всеоружии, и как только Левашова вошла в кабинет, то сразу получила такой заряд информации о произошедших возле ресторана событиях, что сразу почувствовала себя их непосредственной участницей.

– Представляешь, мы смотрим в окно, а он...

– Кто – он?

– Ну, парень в кожаной куртке, выскочил откуда-то сбоку и целится в пушкинского прораба, между прочим, компаньона твоего мужа.

Кира слегка смутилась:

– Тоже мне, компаньон, если только по завидовскому руднику?

– Вот и я Магде говорю, что «Золотой сон» от фирмы в Завидово, а она спорит, хотя думаю, что финтит.

– Господи. Нашла кого слушать, Магду, тем более зачем Левашову с рестораном связываться? Он сейчас в Англию улетел, связи с британцами пробивать.

– Левашов смылся?

– Не смылся, а уехал, да и в первый ли раз?

– Прости, сама понимаю, что неточно выразилась, но такое дело...

– Ты что, в следователи переквалифицировалась? Лучше

рассказывай, что у ресторана произошло?

В это время в кабинет заглянул фотограф и, поздоровавшись с Кирой, спросил у Светланы:

– Я тебе фотографии рейда по городу не отдавал?

– Заходи, Семён, – обрадовалась Куксова, – я тут Левашихе о нашей одиссее рассказываю. И вот высказываем мы на улицу. Семён плёнку на ходу вставляет, Магда ментам подмогу вызывает, короче, раскрутились на всю катушку. Подбегаем к «Золотому сну» – человек лежит вниз лицом, не двигается, а неподалёку киллер асфальт кровянит. Тут мордовороты из ресторана выскочили, прораба подняли и вовнутрь занесли, мы за ними. Я Семёна толкаю: «Снимай!»

– Всё так, только в зале освещения не хватает, вот и пришлось со вспышкой пару раз щёлкнуть, – вздохнул фотограф. – Охранники и заметили.

– Представляешь, Кира, они убитого положили на стулья – и к нам, фотокамеру разбить хотели, а она сумасшедших денег стоит. Мы – на улицу, вышибалы – следом, с утра уже пьяные... – Светлана порылась в бумагах. – Через день повестка из горотдела пришла, как свидетелей нас приглашают, а тогда... Пока Магда к милиции не подскочила, мол, журналистов бьют, те и ухом не повели.

– Снимки-то удалось спасти? – спросила Кира ради приличия, потому что знала она побольше Куксовой.

– Камеру отстояли, а плёнку засветили. Кстати, на нас же прокуратура и наехала, что плохо содействуем следствию.

– Ну а киллер в живых остался? – спросила жена бизнесмена как можно более равнодушно.

– Да вроде в больнице, ему обе ноги прострелили, и ещё говорят, что Андрей Ветлицкий...

– Я пойду, девчата. – Семён пошуршал фотографиями на столе, отбирая нужные, и, уходя, заметил: – Жаль, плёнка пропала, там ведь и посторонние в кадре могли оказаться, дополнительные факты следствию.

– На твой век криминала хватит, – успокоила коллегу Светлана. – Вот тебе и орловские три «ЗА». – Куксова специально перевела разговор на другое, ожидая, переспросит Левашова про Андрея или нет, но Кира тоже поднялась из кресла:

– Схожу к Солодовникову, отмечусь.

– Ну, сходи, – великодушно согласилась хозяйка кабинета, – потом кофе попью «Элит-классик», презентовали за одну статейку. – Сказала и покачала головой, глядя вслед уходящей из кабинета сопернице.

8

Фомичёв ворвался в Союз писателей, как обычно, шумный и негодующий:

– Бумажки перебираете, а пацанов отстреливают, как куропаток во ржи!

– Что, опять? – испуганно пискнула секретарша.

– Да вас скоро всех укокошат!

– Ты чего расшумелся, Андрей Сергеевич? – Мирра Нестеровна вышла в приёмную, а из той комнатухи, которую на время сдали в аренду, выглянул молодой человек, смахивающий стрижкой на панка. – Кто нас-то грохнет?

– А вот такие и перегрохают. – Фомичёв кивнул на дверь, за которой обитали красногорцы.

– Господи, как вы шумите, – приложила палец к губам Фаинка, – неудобно, посторонние могут подумать...

– Доработались. Двадцать лет состою в Союзе и стал оглядываться на кого-то, в родных-то стенах!

– Проходи в кабинет, перекурим, о делах потолкуем, – поморщилась, как от зубной боли, председательница.

– Да что толковать, и так всё ясно. Паренька, что с нами тогда выпивал, убили!

– Если ты Ветлицкого имеешь в виду, то жив он. Посетителей к нему не пускают, а передачи носить можно, звонила я.

– Передачи... словно в тюрьму.

– Зря паникуешь. Просто он лежит в одной палате вместе с тем киллером, который пушкинского прораба подстрелил.

– Вот видите, а наша контора его поддерживала на выборах.

– Ну, допустим, только Василий Степанович, так и тот потом к Орлову переметнулся, – уточнила Мирра Нестеровна.

– Значит, тёзка мой жив? Пародийная ситуация...

– Не очень и пародийная, – потянулась председательница за сигаретой. – Сам живой, а жена погибла. Ты, Фаинка, не знаешь, как её звали?

– О семье Ветлицкий помалкивал, да и вообще...

– Это точно, что вообще. Вот уляжется весь сыр-бор, и к кому Андрей за помощью обратится? Ведь квартира его сгорела.

– Тебе по штату положено думать, – засобирался уходить Фомичёв, но уже на пороге вспомнил. – А может, сбросимся по случаю воскрешения раба Божьего?

– Он там со смертью борется, а мы уже за здоровье, – хмыкнула Мирра.

– Если б умер – за упокой.

– Находчивый наш Фомич, спасу нет, – заметила писательская председательница после ухода поэта-самородка, – хотя о Ветлицком нужно всерьёз подумать: у него в городе никого, только родители жены, но тем сейчас не до зятя. Ты, Фая, позвони в Отрадное, в их администрацию, узнай, что к чему.

– Мирра Нестеровна, – секретарша развела руками, – Отрадное – это межгород, а кто платить будет? И так арендаторы выручают.

– Ладно, может, я с чужого телефона переговорю, свет не без добрых людей, а если нет, тогда хрен с ними, с арендаторами – заплатят, ты узнай.

Ночью Ветлицкого разбудил чей-то голос. Пока Андрей корячился, придерживаясь за жгут, который был привязан к спинке его кровати, кто-то опять произнёс нечто похожее на призыв о помощи. Кажется, сосед бредит? Забыв о кнопке вызова, Андрей поднялся и пошёл в коридор. Сразу за дверью навстречу ему поднялся милиционер:

– Что случилось, больной?

Дыхание у Ветлицкого сбилось, стало трудно дышать.

– Разве вы меня охраняете? – спросил он бдительного часового.

– С чего ты взял? Твоего соседа, безногого.

– Так он и так не убежит, плохо ему. Позовите дежурную.

– А человеку, которого он ухлопал, думаешь, хорошо?

– Ничего я не думаю.

– Вот и спи спокойно. Без тебя позовётся, – свистящим шёпотом пообещал охранник и прикрыл за Ветлицким дверь. Андрей кое-как дошагал до кровати непонятного человека. Любопытство и страх боролись в его душе: выходит, что он лежит в одной палате с убийцей, и всё-таки легче стало от осознания того, что это не его охраняют. Рассудив, что если у парня отняли ноги, то воды глотнуть ему не помешает. Добровольный медбрат взял свой стакан, намереваясь напоить хрипящего парня. Лунный свет падал наискосок и, от-

ражаясь от белой стены, усиливал освещение. Лицо безногого показалось Ветлицкому знакомым. Где он уже видел этот нос, подбородок с ямочкой посередине? Правда, цвет кожи землистый, серый. «Серый!» Тело окатило горячей волной. Неужели тот самый левашовский охранник, который ударил его, Андрея, ножом? Стакан выскользнул из руки и разбился. В палату забежали люди. Включили свет.

– Осторожней вы! – поднимая Андрея, крикнула медичка, кажется, менту. – Дренаж не повредите, тоже мне, санитар. Укладывайтесь на постель, больной.

– Да что вы так бдительно озираетесь, – попеняла медсестра охраннику, – никто вашего подопечного трогать не собирается. Он и сам не сегодня, так завтра концы отдаст. – Но Ветлицкий не разобрал, что на это ответил мужчина, в голове сидело одно: «Серый, Серый...»

– Это Серый, друг Радика, – наконец выдавил он из себя.

– Хорошо, больной. Завтра всех друзей соберём, человека в беде не бросим.

– Это сообщник Левашова, который выборы проиграл.

– Про Левашова что-то бормочет, говорит, что тот выборы проиграл, – обернулась девушка к милиционеру.

– Вот заботы у доходяги: Левашов пролетел на выборах. – И страж порядка вышел из комнаты. Андрей же не отрывая глаз смотрел на своего соседа и больше слова не мог вымолвить, а девушка поставила Серому укол, потом погасила свет в палате и тоже вышла.

Капитан Блинов дембельнулся из армии по ранению. Во-евал он, как тогда говорили, «за речкой». В мирной жизни не сразу нашёл себя и всё-таки постепенно продвинулся в замы председателя Фонда инвалидов войны Афганистана, а когда его шеф без видимых на то причин покончил с собой, выбросившись в пролёт лестницы девятиэтажного дома, в котором он жил, то Блинов, он же среди друзей – Виконт, развил такую деятельность по похоронам, что всем стало ясно: лучшего кандидата на вакантное место и желать не надо. Место для умного человека было более удобным, чем борт из Афгана, тем более правительство, словно откупаясь от искалеченных войною людей, предоставило их организации ряд льгот и привилегий.

Первое, что сумел провернуть Виконт, занял пустующую квартиру шефа, выхлопотав под офис другое помещение, и потом, обладая не столько гибким умом, сколько хваткой, полученного однажды из рук не выпускал. Со временем вокруг него сгруппировались наиболее близкие и посвящённые, преимущественно ребята из охранный конторы «Вымпел», которую Владимир Борисович в своё время создал, и деньги потекли рекой. Матери погибших в Афганистане готовы были молиться на своего благодетеля за лишнюю тысячу рублей пособия, выделенную от щедрот фонда. Когда

прямого дохода от легального бизнеса показалось мало, стали заниматься другим, незаконным. Вот с тех пор и повелось: то одна, то другая вдова, одинокая женщина, мать солдата, отписывала своё жильё всё тому же фонду. Отписывала и умирала порой быстрее, чем сама рассчитывала. Так появились в распоряжении у Блинова эти чистенькие пустые квартиры.

Мирра Нестеровна, прямодушная и неизбалованная, но уже привыкшая к некоторым изысканным мелочам, нутром чувствовала разлад, который довлел над нею, когда приходилось встречаться с любовником в таких случайных апартаментах, но это-то и прибавляло ей вдохновения. Занимаясь поэзией и любовью, она не забывала и о своих руководящих обязанностях, вот почему однажды, полёживая на койке и мысленно перебирая варианты мести своему врагу, Ветлицкий услышал шум в коридоре.

– А мне разрешение главного – не указ, – сказал, кажется, охранник, – мною органы распоряжаются.

– Я сама себе органы.

«Странно, – подумал Андрей, – знакомый голос, вроде бы не жены, да и не Киры?» Хотя очень сомнительно, чтобы те столь напористо разговаривали с охраной.

Голоса на короткое время смолкли, а потом дверь в палату открылась и в больничном халатике перед Ветлицким предстала...

– Мирра Нестеровна?

– Лежи, болезный. Вот скоты! – непонятно было, кого ругнула председательница Союза – обидчиков Ветлицкого или тех, кто её не пускал сюда. Охранник вознамерился проследовать за гостьей, но та сказала, как обрубил:

– Обойдёмся без понятых, гражданин хороший.

И «гражданин» вышел, но дверь в палату оставил приоткрытой, наверное, чтобы держать ситуацию под контролем. Мирра подошла к Андрею.

– Как наши дела? – И видя, что тот пытается заговорить, предупредительно подняла руку. – Я всё знаю, конечно, тяжело такое переносить, здесь словами мало поможешь, но прими мои соболезнования.

– Соболезнования?

По тому, как больной изменился в лице, Мирра поняла, что проговорилась, хотя влиять не стала.

– Да, жену твою не спасли, в дыму задохнулась, и квартира пришла в негодность, но о жилье не думай, я уже кое-что наметила, и с деньгами для книги соображать будем, а в остальном – мужайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.